

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНИЛА КАНТА

ИССЛЕДОВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Вестник Института Балтийского региона
РГУ им. И. Канта

2009

№ 4

Издательство
Российского государственного университета им. Иммануила Канта
2009

ИССЛЕДОВАНИЯ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА

Вестник
Института
Балтийского региона
РГУ им. И. Канта

2009

№ 4

Калининград:
Изд-во РГУ им. И. Канта,
2009. 148 с.

Редакционная коллегия

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, ректор —
председатель

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф.,
проректор по научной работе —
зам. председателя

Ю. М. Зверев, канд. геогр. наук, доц.,
директор Института Балтийского региона —
ответственный за выпуск

Л. Л. Емельянова, канд. геогр. наук

Н. А. Клименко, канд. геогр. наук

В. С. Корнеевец, канд. экон. наук, доц.

Е. В. Краснов, д-р геол.-минерал. наук, проф.

Г. В. Кретинин, д-р ист. наук, проф.

В. Н. Маслов, канд. ист. наук, доц.

В. Н. Лейцин, д-р физ.-мат. наук, проф.

И. Н. Симаева, д-р психол. наук, проф.

Р. Ш. Хаджаев, д-р экон. наук, проф.

© Институт Балтийского региона
РГУ им. И. Канта, 2009
© Коллектив авторов, 2009
© Издательство РГУ
им. И. Канта, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Региональное развитие и стратегическое планирование

<i>Погребняков П.В.</i> Стратегическое планирование: от организации к региону	5
<i>Орлов С.В.</i> Тенденции развития грузоперевозок в России	11
<i>Гуменюк И.С., Мельник Д.</i> Транспортный комплекс Калининградской области: особенности пассажирских перевозок	17
<i>Кропинова Е.Г., Митрофанова А.В.</i> Место сельского туризма в системе понятий «экологический туризм» и «устойчивый туризм»	24
<i>Федоров Д.Г.</i> Экономико-демографическая дифференциация муниципальных образований Калининградской области и специфика территориального планирования развития экономики	34
<i>Грознецкий О.Б.</i> Перспективы участия региональных электронных СМИ в информационном взаимодействии власти и общества в условиях перехода к цифровому телевидению.....	39

Охрана здоровья

<i>Ецина И.Г., Чашина Л.И.</i> Роль общественных организаций в сохранении и восстановлении здоровья населения РФ	46
<i>Куликов С.И.</i> Интеграция педагогики и медицины как путь развития человеческого капитала	56
<i>Симаева И.Н., Алимтеева А.В., Данилкина Н.В.</i> Оценка факторов охраны здоровья обучающихся в условиях дошкольного и общего среднего образования	67

Психология, педагогика и социальное развитие

<i>Симаева И.Н., Зёлко А.С.</i> Интегральная индивидуальность и тенденции постиндустриального общества	80
<i>Павлова А.Н.</i> Образовательные услуги: к определению понятия.....	85

<i>Короткевич М.И., Юрьева С.Н.</i> Школьное образование как фактор развития человеческого капитала	95
<i>Хитрова Е.В.</i> Социальные функции образования и малый бизнес	105
<i>Белкина Е.А.</i> Социально-психологические характеристики ролевого конфликта у работающих женщин	112
<i>Стрелкова О.В.</i> Социальное развитие: детская субкультура, ее функции и механизмы формирования	123
<i>Логашенко Ю.А.</i> Развитие межкультурной сенситивности у студентов специальностей социальной сферы	135
<i>Цехмистер А.В.</i> Развитие профессиональной компетентности будущих психологов в процессе производственной практики в УВД по Калининградской области	142

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

УДК 338.24:911.3

П. В. Погребняков

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ: ОТ ОРГАНИЗАЦИИ К РЕГИОНУ

Стратегическое планирование территориальных социально-экономических систем — это сложный процесс, особенность которого — взаимосвязь общих принципов стратегического планирования и объекта планирования. Многие его и достоинства, и недостатки проистекают из того, что первоначально стратегическое планирование касалось не регионов, а организаций. Так, одним из первых разработчиков концепции стратегического планирования стал И. Ансофф, связавший его появление с необходимостью ориентации не на существующие условия, а на те, которым еще только предстоит сложиться. Он поставил перед планированием конкретную задачу — предвидение возможных изменений внешней среды и определения стратегической позиции организации, позволяющей обеспечить ее будущую жизнеспособность [1, с. 304].

Применительно к региону методологическую основу предложенной И. Ансоффом трактовки роли стратегического планирования можно сформулировать следующим образом: оно осуществляется в соответствии со следующими императивами:

- 1) регион определяется как открытая система;
- 2) поведение региона детерминируется в первую очередь внешним окружением, где находятся главные источники его успеха;

3) ключевой предпосылкой эффективного хозяйствования выступает способность органов власти и управления обеспечивать продуктивную адаптацию региона к изменяющимся внешним условиям. При этом стратегическое планирование призвано адекватным образом отреагировать на факторы неопределенности и риска, присущие внешней среде.

И. Ансофф сделал важный акцент на принципиальном отличии стратегического планирования от долгосрочного. В системе долгосрочного планирования предполагается, что будущее может быть спрогнозировано путем экстраполяции исторически сложившихся тенденций роста. В системе стратегического планирования не считается, что будущее можно изучить методом экстраполяции, кроме того, отсутствует предположение о том, что будущее непременно должно быть лучше прошлого [1, с. 15—16].

Следует отметить, что из-за невозможности использования метода экстраполяции, необходимыми инструментами стратегического планирования становятся сценарный и ситуационный методы, пригодные для решения неструктурированных и слабоструктурированных проблем. К неструктурированному блоку прежде всего можно отнести проблемы, выраженные в качественных признаках и характеристиках, которые не поддаются количественному описанию и числовым оценкам. К слабоструктурированному блоку относятся проблемы, содержащие как качественные, так и количественные элементы. Причем неопределенные, не поддающиеся количественному анализу зависимости, признаки и характеристики имеют тенденцию доминировать в этих «смешанных» проблемах. К ним относится большинство наиболее сложных задач экономического, политического, технического характера¹.

Весьма важны идеи Д. Стейнера, трактующего стратегическое планирование системы как процесс обоснования ее

---

¹ Подобная классификация проблем по критерию степени возможной глубины их знания достаточно широко представлена в работах Г. Саймона, О. Оптнера, Р. Акоффа.

«главных целей, а также политики и стратегии, которые определяют порядок приобретения, использования и распределения ресурсов для достижения установленных целей» [10, с. 34]. Отметим, что именно оценка ресурсного потенциала и возможностей его использования часто упускается из вида при разработке региональных и муниципальных стратегий.

Распространяя положения М. Мескона, М. Альберта и Ф. Хедоури [6, с. 257], касающиеся организации, на регион, можно согласиться, что разработка альтернатив достижения поставленных целей и выбор стратегии развития региона — это финальный этап стратегического планирования. Стратегия предстает в виде детального всестороннего комплексного плана, предназначенного для того, чтобы обеспечить осуществление миссии региона и достижение целей его развития. Этапы составления стратегии включают:

- анализ внешней среды;
- оценку внутренней среды;
- выявление конкурентных преимуществ системы;
- определение миссии и формулирование долгосрочных целей развития;
- анализ стратегических альтернатив и выбор стратегии достижения поставленных целей.

О. Н. Беленов отмечает, что продуктивными в стратегии являются следующие положения (что полностью применимо и к региону) [2, с. 30—31]:

- стратегия — средство размещения ресурсов;
- обеспечивает определение условий конкурентоспособности;
- представляет собой систему дифференцированных задач;
- определяет действия по отношению к внешним возможностям и угрозам с учетом ее внутренних сильных и слабых сторон;
- выступает в роли программного документа для всех ее участников.

Представленные в отечественной научной литературе Теоретические положения, раскрывающие своеобразие стратеги-

ческого планирования регионального развития, основное внимание обращают на содержательную характеристику стратегии как базового элемента системы планирования. Так, И. Ершова и О. Калимов полагают, что «стратегия развития региона — это выраженное документальное представление о перспективных направлениях, приоритетах, целях и задачах развития регионального образования, а также система мер и ресурсов, используемых органами регионального управления для достижения этих целей» [5, с. 31]. Н. Дорогов считает, что стратегия развития региона — это «выбор долгосрочных направлений социально-экономической политики на территории субъекта Федерации» [4, с. 36]. Р. Попов понимает под стратегией «региональной организации... систему крупномасштабных мероприятий по достижению конкретных (обычно долгосрочных) целей» [8, с. 308].

К числу важнейших продуктивных положений можно отнести следующие. Так, А. Гранберг в постановке экономиических целей региона принципиальное значение придает их согласованию с целями развития системы более высокого уровня [3, с. 21—22]. В составе последних, по мнению А. Гранберга, следует прежде всего выделить: снижение дифференциации в уровнях развития регионов, ускорение межрегиональной интеграции и укрепление единого экономического пространства страны. В условиях растущего значения масштабных перемен — глобализации экономики, интеграции европейских стран и роста конкуренции городов и регионов — все большее значение приобретает способность местных властей осуществлять свои функции исходя не из текущих сиюминутных целей и интересов, а на основе долгосрочной, разработанной для конкретного города или региона стратегии развития.

Стратегическое планирование развития территориальных социально-экономических систем (ТСЭС) рассматривается как особый вид плановой работы, состоящей в разработке стратегических решений в виде прогнозов, проектов и программ, предусматривающих выдвижение таких целей и стратегий развития регионов, реализация которых обеспечивает их эффек-

тивное и устойчивое функционирование в долгосрочной перспективе, быструю адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды [9, с. 30]. Разрабатываемые документы должны быть социально ориентированы и носить комплексный характер (решая во взаимной увязке экономические, социальные, градостроительные, экологические задачи).

Раскрытие роли и содержания стратегического планирования регионального развития позволяет обосновать его принципы. И. Е. Рисина, Ю. И. Трещевский к важнейшим из них относят принципы целенаправленности, социальности, комплексности, системности, адаптивности, эффективности, минимизации риска, баланса интересов, легитимности, демократичности, профессионализма, принципа «первого руководителя» [3, с. 21—22].

Анализируя предложенный состав принципов, можно отметить недостающие звенья, продиктованные современным развитием общества.

Во-первых, отказ Российской Федерации от инерционного сценария развития как сценария, неизбежно ведущего к росту зависимости нашей страны от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира и вытеснение страны из числа мировых лидеров, формулирует единственную альтернативу — стратегию инновационного развития. Поэтому инновационная составляющая становится необходимым условием стратегического планирования. Ускоряющиеся темпы экономической жизни диктуют необходимость активного характера планируемых преобразований, поэтому принцип динамичности — залог конкурентоспособности системы.

Во-вторых, в условиях экологического кризиса, вызванного экспоненциальным ростом вовлечения природных ресурсов в базирующуюся на рыночных отношениях экономику, в 1980-х гг. учеными была выдвинута идея устойчивого развития (*sustainable development*). «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени

и не ставит под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [7].

В научных кругах устойчивое развитие становится основополагающей концепцией развития и государств, и регионов. Соответствующие цели декларируются и органами государственного управления. Кроме того, в 1996 г. Президентом Российской Федерации был издан указ «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» и утверждена Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. В ней, в частности, отмечено, что целевые ориентиры процесса принятия решений могут быть выражены в показателях, характеризующих качество жизни, уровень экономического развития и экологического благополучия. Эти показатели должны отражать те уровни, при которых обеспечивается безопасное развитие России в экономическом, социальном, экологическом, оборонном и других аспектах.

Но, к сожалению, в большинстве стран, в том числе и в России, при принятии управленческих решений как на общегосударственном, так и региональном уровнях и сейчас доминирует тенденция разделения экономических, социальных и экологических аспектов. Принцип устойчивого развития призван компенсировать этот недостаток. При соблюдении всей совокупности указанных принципов возможен максимальный социально-экономический эффект от реализации стратегии.

Список литературы

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление. М., 1989.
2. *Беленов О.Н.* Стратегический маркетинг. Воронеж, 1998.
3. *Гранберг А.* Стратегия территориального социально-экономического развития России: от идеи к реализации // *Вопр. экономики.* 2001. №9.
4. *Дорогов Н.* Обоснование выбора экономической стратегии региона // *Проблемы теории и практики управления.* 1998. №3.
5. *Ершова И.Г., Калимов О.В.* Стратегическое планирование как этап формирования программы социально-экономического раз-

вития региона // Актуальные проблемы управления. 2001: материалы междунар. науч.-практ. конф. Вып. 6. М., 2001.

6. Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. М., 2000.

7. *Наше общее будущее*. Доклад Комиссии Брундтланд. М., 1989.

8. Попов Р. Региональный менеджмент. Краснодар, 2000.

9. Рисина И.Е., Трещевский Ю.И. Стратегическое планирование регионального развития в мировой и российской практике. Воронеж, 2005.

10. Steiner G.A. Top management Planning. Toronto, Collier Mac-Millan Canada, Ltd., 1969.

Об авторе

П. В. Погребняков — соискатель РГУ им. И. Канта.

УДК 338.24:911.3

С. В. Орлов

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК В РОССИИ

Перевозки грузов — основная функция транспорта, заключающаяся в перемещении грузов, необходимом для продолжения и завершения процесса производства продукции промышленности и сельского хозяйства в сфере обращения, а также удовлетворения личных потребностей населения [1].

Таким образом, грузоперевозки в наши дни — неотъемлемая часть как самых широких экономических связей, так и инфраструктуры государства. Транспорт играет важнейшую роль в экономике России, связывая все отрасли экономики воедино, обеспечивает условия для динамичного развития жизнедеятельности общества и содействует развитию межотраслевых и межрегиональных связей.

Наиболее доступными, эффективными и экономичными видами транспорта в РФ являются железнодорожный и морской транспорт. Именно они составляют наибольшую долю грузооборота страны (свыше 66 %).

Железнодорожный транспорт — ведущий элемент транспортной системы Российской Федерации, его доля в обеспечении грузовых перевозок составляет 55 % от всей транспортной инфраструктуры страны (рис.). Это объяснимо его низкой себестоимостью, безопасностью, высоким качеством предоставляемых услуг и возможностью доставки грузов в многочисленные точки земного шара. Мировая сеть железных дорог насчитывает около 1,3 млн км. В свою очередь российские железные дороги — вторая по величине транспортная система мира (более 87 тыс. км), уступает по общей длине эксплуатационных путей лишь США¹.

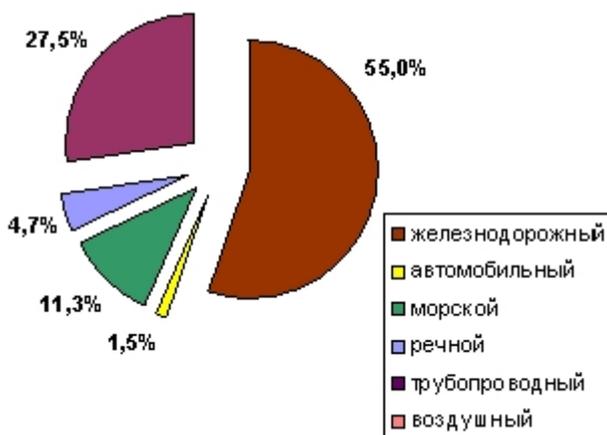

Рис. Структура Российского грузооборота на 2009 г.

¹ www.yestravel.ru/world/rating/railways_rank_order/

Эффективное функционирование железнодорожного транспорта России играет исключительную роль в создании условий для модернизации, перехода на инновационный путь развития и устойчивого роста национальной экономики, способствует созданию условий для обеспечения лидерства России в мировой экономической системе. В связи с этим в 2001 г. Правительство РФ приняло решение о реформировании железнодорожного транспорта.

В целях реализации Программы структурной реформы на железнодорожном транспорте, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18 мая 2001 г. № 384, были подготовлены концептуально новые законы, регламентирующие функционирование железнодорожного транспорта в новых условиях хозяйствования: «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (вступил в силу 19.05.2003 г.), «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (от 19.05.2003 г.), «Об особенностях управления и распоряжения имуществом железнодорожного транспорта» (от 05.03.2003 г.) и «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О естественных монополиях» (от 18.01.2003 г.), составляющие базис правовой основы для проведения структурной реформы.

Перевозки грузов на российских железных дорогах ведутся в соответствии с правилами, которые утверждаются МПС России и публикуются в сборниках правил перевозок и тарифов железнодорожного транспорта.

В 2008 г. была принята Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.06.08 г. № 877-р). Одними из основных ожидаемых результатов реализации Стратегии являются: рост объема перевозок транзитных грузов по минимальному варианту развития в 2,3 раза, по максимальному — в 2,8 раза, а также увеличение средней скорости доставки грузов по минимальному варианту на 13 %, а по контейнерным отправлениям в 2,1 раза, а по максимальному варианту развития более чем на 23 %, по контейнерным отправлениям в 3,5 раза.

На основе оценки перспектив развития российской экономики и с учетом развития других видов транспорта были спрогнозированы основные объемные показатели работы железнодорожного транспорта — погрузка грузов и грузооборот.

По минимальному варианту погрузка в 2030 г. прогнозируется в объеме 1970 млн т с ростом (к уровню базового 2007 г.) в 1,47 раза. Грузооборот — в объеме 3050 млрд т/км с ростом (к уровню базового 2007 г.) в 1,46 раза. По максимальному варианту погрузка к 2030 г. возрастет в 1,6 раза и достигнет 2150 млн т.

Грузооборот в 2030 г. увеличится по сравнению с 2007 г. в 1,58 раза и составит 3300 млрд т/км, пассажирооборот — в 1,33 раза и превысит 231 млрд пас. · км.

В перспективе до 2030 г. наибольшая загрузка будет у железнодорожных линий на подходах к Санкт-Петербургскому железнодорожному узлу, Северному Кавказу, портам Приморского края, а также у железнодорожных линий на подходах к Дальнему Востоку, на выходах из Западной Сибири и Урала, на подходах к Московскому железнодорожному узлу.

Учитывая интенсивное развитие портовых мощностей страны, на подходах к морским портам Северо-Запада к 2030 г. можно ожидать рост объемов перевозок грузов железнодорожным транспортом в 1,5—2 раза, Азово-Черноморского бассейна — 2—2,5 раза, портам Приморского края — до 2 раз по отношению к существующему уровню.

Наибольший рост грузопотоков ожидается на Байкало-Амурской магистрали, особенно на подходах к портам Хабаровского края (Ванино, Советская Гавань), где в настоящее время объемы перевозимых грузов в сторону портов не превышают 7 млн т/км/км, к 2030 г. они могут возрасти в 7—10 раз. Такой значительный рост будет связан в основном с разработкой новых месторождений угля и руды в Республике Саха (Якутия) и в других субъектах Российской Федерации Дальневосточного региона, намечаемым строительством терминалов в портах Ванино и Советская Гавань для экспорта грузов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона, а также со специа-

лизацией Транссибирской железнодорожной магистрали на контейнерных и пассажирских перевозках.

Ожидается увеличение перевозок на выходах из Урала (1,8—2 раза) и подходах к нему (1,5—1,8 раза), чему должно способствовать освоение ресурсной базы Полярного Урала, северной части Ямало-Ненецкого автономного округа.

Сохранение значения Кузбасса как основного поставщика угля вызовет рост перевозок в 1,3—1,6 раза на выходах из Кузбасса на запад и в 1,5—1,8 раза — на восток [2].

Однако эффективность железнодорожного транспорта заканчивается на том этапе, когда нужно переправить груз через море или океан. То же, между прочим, касается и автомобильного транспорта.

В настоящее время морской транспорт — неотъемлемая часть мировой транспортной системы. Основная функция морского транспорта — обеспечение внешнеторговых связей между различными государствами. Международными перевозками занято 90% мирового флота, при этом 80% мировой внешней торговли осуществляется с помощью морских перевозок.

Морской транспорт самый популярный в международной торговле, так как имеет низкую себестоимость и высокую грузоподъемность.

Возрастающие потребности в использовании транспорта дают разносторонние импульсы развитию транспортной техники, что само по себе ведет к увеличению объема производства и товарообмена. Поэтому высокие темпы развития морской транспортировки грузов, особенно массовых, будут иметь стабильный характер, хотя начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис развеял иллюзии о бесперебойно продолжающемся развитии морского транспорта. Объем морских перевозок грузов уменьшился по абсолютной величине и, несмотря на то что морской торговый флот еще продолжает численно расти, многие суда поставлены на прикол. Примерно четверть тоннажа наливного флота оказалась излишней. Застывшие на якорях в бухтах и фьордах супертан-

керы новейшей постройки в настоящее время представляют собой печальную картину.

Поскольку судоходные компании и грузоотправители играют в международном судоходстве доминирующую роль, диспропорция между имеющимся в наличии тоннажем морского торгового флота и объемами грузов, предназначенных для перевозки морем, будет возникать и в будущем; другими словами, кризисы в судоходстве неизбежны. В результате возрастает концентрация морского транспорта в руках небольшого числа крупных судоходных монополий и транспортных концернов, расширяется рационализация и происходит быстрая замена старой техники новой, что зачастую означает отказ от еще вполне пригодной для использования по прямому назначению техники. Мероприятия по преодолению последствий старого кризиса одновременно становятся фундаментом нового. Такое диалектическое развитие вытекает из глубин общего кризиса капиталистической системы судоходства [3].

В соответствии с планом работ Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации в Москве в 2007 г. состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Морская деятельность России: ключевые проблемы развития», где обсуждались вопросы разработки стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2020 г. и на дальнейшую перспективу. На конференции были определены стратегические цели развития морской деятельности Российской Федерации до 2020 г. и способы преодоления кризисной ситуации в сфере морского транспорта [4].

Список литературы

1. *Большая энциклопедия транспорта «Железнодорожный транспорт»* / под ред. Н. С. Конарева. М., 2003. Т. 4.
2. *Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года* / Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <http://www.mintrans.ru/> (дата обращения: 20.03.2009).

3. *Как устроены морские суда?* // Информационный сайт о морских судах. URL: <http://www.seaships.ru/> (дата обращения: 22.03.2009).

4. *Морская коллегия при Правительстве Российской Федерации.* URL: <http://www/morskayakollegiya.ru> (дата обращения: 25.03.2009).

Об авторе

С. В. Орлов — аспирант кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта.

УДК 338.24:911.3

И. С. Гуменюк

Д. А. Мельник

ТРАНСПОРТНЫЙ КОМПЛЕКС КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК

В рамках любого региона транспорт — ключевой системообразующий элемент региональной инфраструктуры, обеспечивающий качественное функционирование региона. Главная функция транспорта — связывание всех элементов территориальной структуры хозяйства и расселения в единую систему путем перемещения (перевозки) по транспортным линиям людей, грузов (товаров), информации и энергии [1]. Транспорт — связующее географическое звено между районами, странами и

городами, поскольку обеспечивает их экономическое и социальное взаимодействие. К основным территориальным функциям транспорта относятся пространственное интегрирование, территориальное связывание (коммуникационная функция), транзит, преодоление пространства, транспортное обслуживание территории и населения. Транспорт, играя двойственную роль в развитии экономики региона, по праву считается ключевым фактором формирования экономического и социально-

го пространства. Особое положение транспорта объясняется следующим образом: во-первых, транспортная инфраструктура поддерживает и упрощает коммерческую деятельность, обеспечивая географическую Доступность региона, во-вторых, транспортный сектор является экономически значимым как самостоятельная отрасль [2]. Транспорт — это своего рода каркас, формирующий не только облик региона, но подчас и его экономическую специализацию. Подчеркивая важность транспорта для региона, Н. Н. Баранский писал: «Районы, в экономическом смысле слова, специализированные, дифференцированные части единого хозяйственного целого — мыслимы только при более или менее широком обмене между ними, т.е. при наличии достаточно уже развитого транспорта» [3, с. 160]. Функции транспорта весьма многогранны и представлены на рисунке 1.

В Калининградской области роль транспорта возрастает многократно, что связано с уникальным географическим положением области в центре Балтийского региона, занимающего выгодное географическое положение в Евразийской транспортной системе и связывающего Россию с крупнейшими мировыми рынками Центральной и Восточной Европы, странами Балтии и государствами СНГ. Поэтому одним из безусловных приоритетов развития Калининградской области является развитие ее транспортного комплекса, что необходимо для поддержания полноценного транспортного сообщения с основной территорией России и для обслуживания российских экспортно-импортных перевозок и транзитных грузопотоков других государств (прежде всего, не имеющих выходов к морю).

Для транспортного комплекса области характерны проблемы, которые можно условно разделить на три группы:

— *Эксклавные* — проблемы, связанные с особым географическим положением региона. Выражаются в необходимости оформления соответствующих документов для пересечения государственной границы, а также транспортировки грузов и проезда пассажиров по территории третьих стран.

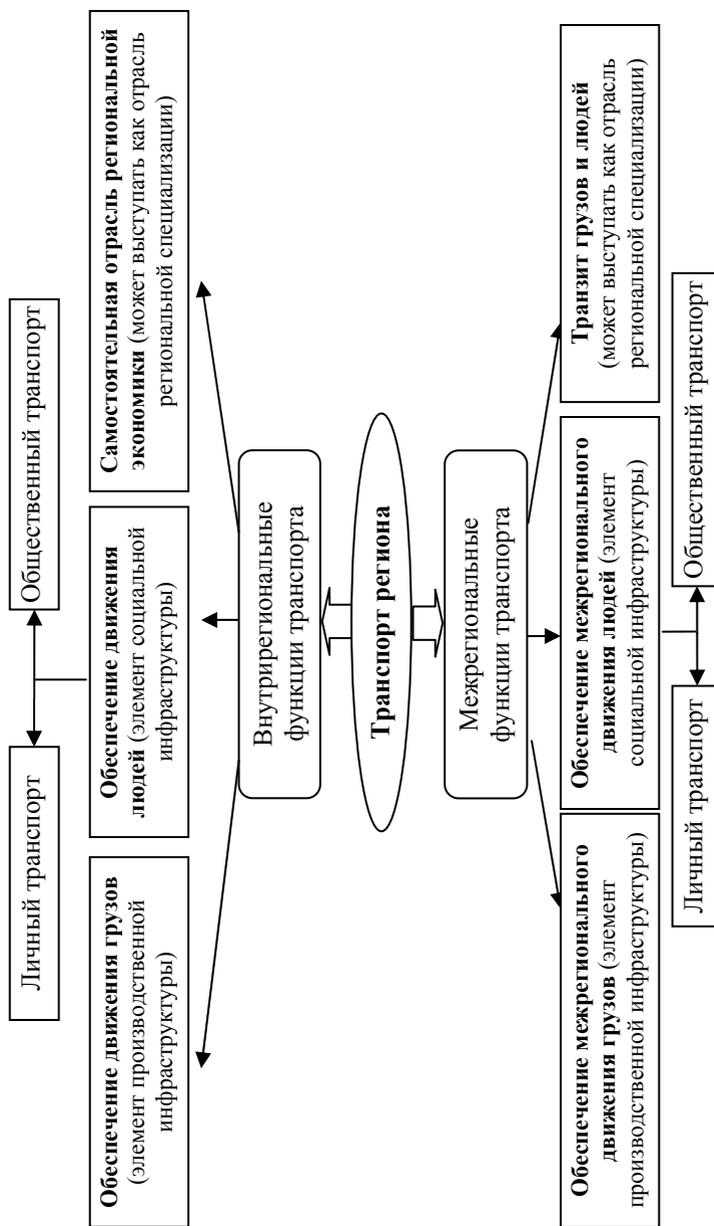

Рис. 1. Функции транспорта

— *Федеральные* — проблемы, заключающиеся в несовершенстве ряда существующих законов, а также в отсутствии набора законодательных актов в области транспорта, необходимых для его полноценного функционирования.

— *Региональные* — выражены в неудовлетворительном состоянии многих объектов транспортной инфраструктуры, высоком износе основных фондов и отсутствии конкуренции на региональном рынке перевозок.

Все это мешает полноценно выполнять одну из ключевых функций транспортного комплекса региона — обеспечивать движение между Калининградской областью и другими регионами России, а также осуществлять транзитную функцию в границах Балтийского региона. В 2008 г. транспортным комплексом региона перевезено 3 322 тыс. пассажиров. В межрегиональном пассажирообороте были задействованы морской, железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт (табл.).

Показатели грузо- и пассажирооборота различными видами транспорта Калининградской области, 2008 г.

Транспорт	Перевозка	
	грузов, млн т	пассажиров, тыс. чел.
Морской	15,4	12
Железнодорожный	18,5	650
Автомобильный	2,2	860
Воздушный	0,3	1 800
<i>Итого</i>	36,4	3 322

В обеспечении межрегионального и транзитного пассажиропотока главным элементом транспортной системы региона является воздушный вид транспорта, на его долю приходится более половины всех перевезенных пассажиров. Автомобильным транспортом пользуется 26% пассажиров, а железнодорожным — 20%. Роль автомобильного транспорта в обеспечении межрегионального и транзитного пассажиропотока с каж-

дым годом возрастает, при этом численность человек, пользующихся железной дорогой, за последние 8 лет осталась практически неизменной. Роль морского транспорта в обеспечении пассажирского сообщения в 2008 г. незначительна (менее 1% от общего пассажиропотока), однако с развитием паромного сообщения через порт Балтийска значение морского транспорта в перспективе должно стать более существенным.

Преобладание доли воздушного транспорта в общем объеме перевезенных пассажиров объясняется эксклюзивным положением региона. При использовании воздушного транспорта пассажирам не надо оформлять дополнительные документы, а наличие регионального авиаперевозчика делала стоимость перелета сравнительно невысокой. Запуск в 2006 г. проекта по формированию в регионе на базе авиакомпании «КД Авиа» кроссмагистрального авиатранспортного узла (авиахаба), функционирующего по принципу “hub and spoke”, позволило значительно повысить объемы ежегодно перевозимых пассажиров воздушным транспортом региона (рис. 2). Мировой экономический кризис помешал дальнейшему формированию в регионе авиахаба, что незамедлительно сказалось на объемах перевозок. По прогнозам экспертов, в 2009 г. общий объем перевезенных пассажиров не превысит отметки в 1 200 тыс. пассажиров.

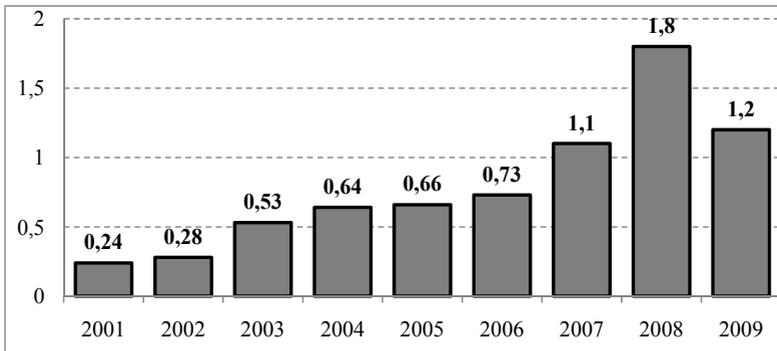

Рис. 2. Объем пассажирооборота Калининградской области через аэропорт Храброво, 2001—2009 (прогноз) гг., млн человек

Увеличение численности пассажиров, пользующихся автомобильным транспортом для межрегиональных и транзитных поездок, стало результатом массовой автомобилизации населения¹ и высокой плотности автомобильных дорог в регионе². С точки зрения степени интеграции элементов транспортного комплекса региона в Балтийскую транспортную систему именно автомобильный транспорт выглядит наиболее предпочтительно. Из 24 зарегистрированных в регионе пунктов пропуска через государственную границу 7 — автомобильных. При этом практически все они загружены выше проектной мощности, что говорит о высоком спросе в регионе на межрегиональные автомобильные перевозки. В дальнейшем роль автомобильного транспорта в приграничном пассажиро-сообщении будет только возрастать, что связано с реконструкцией уже существующих автомобильных пунктов пропуска и строительством новых объектов. К 2015 г. планируется, что на долю автомобильного транспорта будет приходиться до 50 % всех перевезенных пассажиров.

Межрегиональный и транзитный пассажирооборот железных дорог на протяжении последних 7 лет оставался практически неизменным и держится на уровне 650 тыс. человек в год. Основными направлениями пассажирского железнодорожного сообщения остаются Москва и Санкт-Петербург. В целом при обеспечении пассажирского сообщения железные дороги постепенно уступают свое место другим видам транспорта, а кратковременные всплески численности пассажиров носят сезонный характер или происходят при обострении ситуации с обеспечением пассажирского сообщения на других видах

---

¹ В 2008 г. на 1 тыс. человек населения в Калининградской области приходилось 278,8 легковых автомобилей. Для сравнения: в среднем по Российской Федерации этот показатель — 213,5 [4].

² Густота автомобильных дорог в регионе 494,4 км на 1 000 км², в среднем по России — 54,6 км на 1 000 км².

транспорта. Перспективы железной дороги связаны с развитием пассажирского сообщения с европейскими странами, основанным на использовании участков в регионе железной дороги с европейской колеей.

Пассажирское сообщение на море в Калининградской области связано с деятельностью паромов. Налаженная паромная линия между Калининградской областью (г. Балтийск) и Россией (Санкт-Петербург, Усть-Луга) — первый шаг на пути создания в г. Балтийске крупного центра грузопассажирского паромного сообщения на Балтике.

Подводя итоги, можно отметить, что транспортная система региона в целом удовлетворяет запросы региона по обеспечению пассажирского сообщения с другими регионами России и странами Европы. Однако географическое и геополитическое положение региона таково, что функционирование его транспортного комплекса неустойчиво и напрямую зависит от многих внешних факторов, повлиять на которые регион практически не может. Любое негативное изменение экономической или политической ситуации в Балтийском регионе напрямую влияет на транспортную систему региона. Снизить подобного рода зависимость возможно путем качественного развития всех видов транспорта в регионе, а также заключения долгосрочных соглашений между всеми заинтересованными сторонами, касающихся межрегионального и транзитного пассажирского сообщения в Балтийском регионе.

Список литературы

1. *Тархов С. А., Семина И. А.* География транспорта как отраслевая географическая наука // Электронное научное издание «Актуальные проблемы географии и геоэкологии», 2009, вып. 1 (5). URL: http://geoecko.mrsu.ru/2009-1/pdf/12_Tarhov.pdf (дата обращения: 22.03.2009).

2. *Ефимова Е. Г.* Транспортная инфраструктура региона Балтийского моря в системе международных хозяйственных связей: автореферат дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2009.

3. Баранский Н. Н. Краткий курс экономической географии. М., 1926.

4. Информационно-издательский центр «Статистика России» // Транспорт России 2007. URL: <http://www.statrus.info/catalog/edition.jsp?id=2100&uid=22> (дата обращения: 28.02.2009).

Об авторах

И. С. Гуменюк — аспирант кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта.

Д. А. Мельник — аспирант кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта.

УДК 338.24:911.3

Е. Г. Кропинова

А. В. Митрофанова

МЕСТО СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ «ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ» И «УСТОЙЧИВЫЙ ТУРИЗМ»

Одна из устойчивых форм устойчивого землепользования в сельских территориях — это сельский туризм (агротуризм). Не существует единого подхода к определению этого вида деятельности. В западной части Балтийского региона в большей степени распространено понятие «агротуризм», или «фермерский туризм»; в восточной, в силу исторических причин, — «деревенский туризм», или «сельский туризм».

Место сельского туризма в системе таких понятий, как «досуг», «туризм», «рекреация», находится в пределах зоны «путешествия с целью проведения досуга», выделенной К. Холлом и С. Пейджем [7, р. 4] (рис. 1).

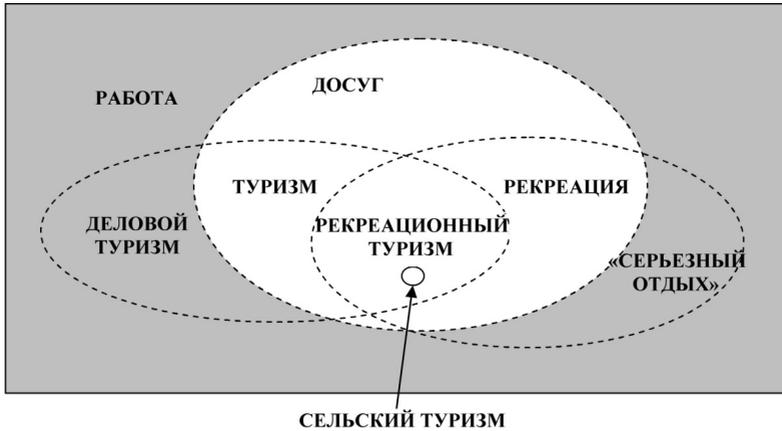

Рис. 1. Место сельского туризма в системе понятий «досуг», «рекреация» и «туризм»

Источник: [1], с авт. модификациями.

Понятия «сельский туризм» и «агротуризм» можно считать в значительной степени синонимами. Вместе с тем основное различие между ними состоит в типе используемого ландшафта. Так, термином «сельский туризм» мы обычно описываем туристско-рекреационные виды деятельности, реализуемые в сельской местности и, как результат, ареной для этих действий выступает вся территория. В то же время основным обязательным компонентом агротуризма является агроландшафт. Йансен-Фербеке и Ниймеген применили для агротуризма даже более детальное определение как «напрямую связанное с агросредой, агропродукцией и агропребыванием» [8, р. 31].

Агротуризм в последнее время принято считать альтернативным видом туризма в силу его «индивидуально-ориентированного» подхода и его альтернативности по отношению к «массовому» туризму, значительно критиковавшемуся на протяжении последнего десятилетия. В свою очередь, существуют как устойчивые, так и неустойчивые формы агротуризма, хотя

сфера наших интересов находится в «устойчивой зоне», что придает ему сходство с «альтернативным туризмом» (АТ) (рис. 2).

Мы не можем полностью согласиться с подходом Батлера, согласно которому экотуризм расположен между устойчивым и неустойчивым видами деятельности, так как считаем, что основной принцип экотуризма — именно его «устойчивость».

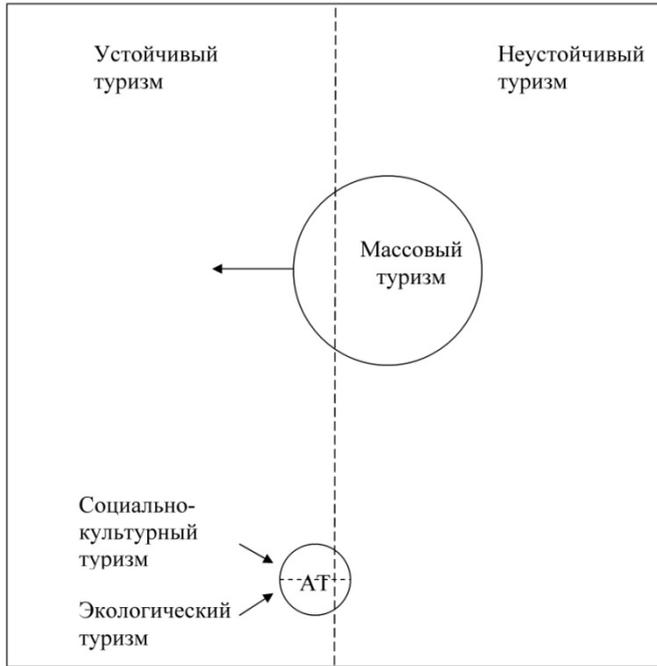

Рис. 2. Отношения между «массовым» и альтернативным туризмом

Источник: [4, p. 27].

Дэвид А. Феннел, пытаясь выявить сходство между природоориентированными видами туризма, отмечает, что «альтернативный туризм включает сельский, или фермерский, туризм, однако значительная доля туристской деятельности соотно-

сится с социально-культурной средой, в которой работает ферма. В отличие от агротуризма, экотуризм в меньшей степени ориентирован на социально-культурную среду и в большей степени зависит от состояния природной среды и природных ресурсов, которые в свою очередь являются основным компонентом или главной целью путешествия» [4, р. 26—27].

Дэвид А. Феннел и Росс К. Даулинг рассматривают агротуризм «как экологически и социально направленный вид туризма, стимулирующий признание и понимание ценности окружающей среды. В его основе — получение туристом удовольствия от общения с природой при минимальном экологическом воздействии» [6, р. 32]. Более того, если мы говорим об экотуризме, имеем в виду природу, культуру и образование (важность каждого из трех компонентов соответствует порядку перечисления), то в агротуризме социально-культурный фактор не менее важен, чем природный, а иногда играет ведущую роль. Взаимодействие между агротуристами и природой в основном происходит через посредников — «хозяев», владельцев усадеб, являющихся частью социально-культурной системы. Кроме того, существует разница подходов к функции «образование» в экотуризме и агротуризме. В экотуризме суть «образования» заключается в информировании туриста, в принятии им пассивной информации. В агротуризме образовательный момент обеспечивается через активное вовлечение клиентов (гостей/ туристов) в повседневную жизнь села, их участие в культурных и традиционных мероприятиях, приобретение ремесленных навыков и т.д. «Образовательный компонент экотуризма направлен на более глубокое понимание туристом вопросов, связанных с природной окружающей средой и экологических процессов, отличает его от приключенческого и экскурсионного туризма...» [6, р. 207]. Агротуризм отличается от приключенческого туризма. Сельский туризм более предсказуем и безопасен по сравнению с приключенческим туризмом.

Таким образом, сельский туризм отличается от экотуризма, социально-культурного, приключенческого и событийного туризма, хотя и имеет общие с ними черты (рис. 3). Это отдельный вид туризма, включающий некоторые характеристики и виды деятельности, свойственные экотуризму, социально-культурному и приключенческому туризму.

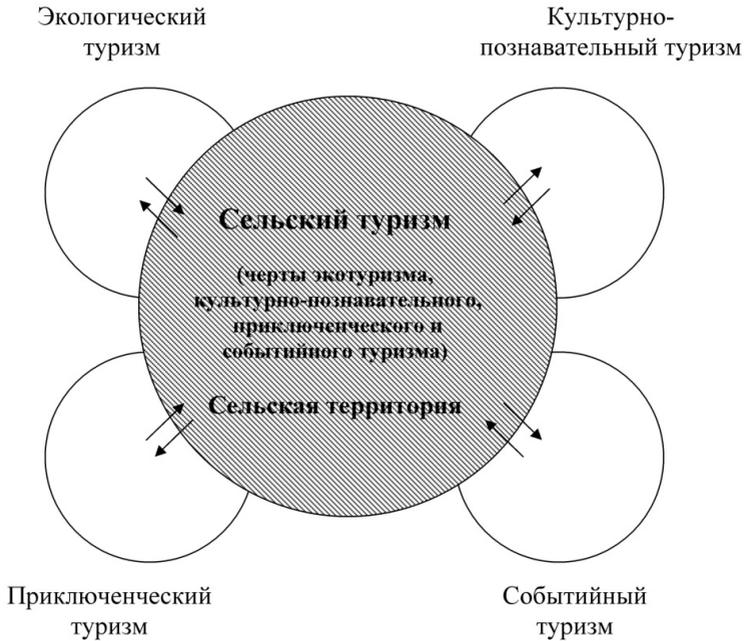

Рис. 3. Сельский туризм в системе альтернативных видов туризма

Источник: [6, p. 32], с авт. модификациями.

Можно сделать вывод, что агротуризм — это вид туризма и отдыха в сельской местности с высокой степенью использования агроландшафта, ориентированный на ознакомление туристов со спецификой местного сельскохозяйственного зем-

лепользования и традиционным укладом жизни через личное вовлечение, а также создающий экономические предпосылки для устойчивого фермерства.

Сельский туризм подразумевает предоставление фермерским хозяйством таких услуг, как размещение туристов, питание, организация развлекательных мероприятий, а также других услуг, перечень которых зависит от возможностей фермеров и пожеланий клиентов.

Для того чтобы обеспечить такие услуги, необходимы следующие основные компоненты:

- привлекательный агроландшафт;
- деревенская усадьба (дом как средство размещения);
- приусадебный участок;
- подсобное хозяйство;
- хозяева усадьбы (фермеры);
- гости (туристы);
- другое (жилые и животноводческие помещения, гараж, участок под трейлер или палатки, пасека, посевные угодья, пастбище, леса и т. д.).

Кроме того, сельский туризм — это не только проживание туристов в сельском доме, но и функционирование целой инфраструктуры, которая должна включать в себя хорошее транспортное сообщение между населенными пунктами, места проведения досуга, природные или культурно-исторические достопримечательности, информационные центры, ресторанички, кафе и трактиры, учреждения сферы торговли и услуг, мастерские традиционных ремесел. При этом каждый гость (а в сельском туризме туриста называют «гостем») должен постоянно ощущать домашний комфорт и повышенное персональное внимание.

Агропромышленный комплекс и агротуризм взаимосвязаны. Деятельность, связанная с агротуризмом, зависит от особенностей аграрной сферы, развитой на данной территории (рис. 4).

Агропромышленный комплекс

Виды занятий агротуризма

Рис. 4. Взаимосвязь агропромышленного комплекса и агротуризма

Сельская местность сама по себе (ландшафт, природа, включая лесные угодья) предоставляет широкие возможности для интересного и активного времяпрепровождения, например пикников, собирания трав, ягод или грибов, охоты, велосипедных прогулок, рыбалки, плавания, гребли на каноэ, кемпинга, наблюдения за животными и птицами, пеших походов, изучения природы, фотографии.

Ферма как средство размещения туристов предоставляет такие возможности, как:

- гастрономический туризм;
- покупка сувениров;
- кулинария;
- консервирование (сок, варенье и т. д.);
- спапроцедуры, включая бани;
- вовлечение в сельский уклад жизни и т. д.

Роль агротуризма в устойчивом развитии региона Балтийского моря можно рассматривать в трех аспектах: экономическом, социальном и экологическом.

1. Влияние на экономическую подсистему.

Благодаря укреплению имиджа региона Балтийского моря как природоориентированного направления с возможностью организации разнообразных видов деятельности в сельской местности (с проживанием), ожидается рост количества туристов, прибывающих в регион с целью агротуризма, а также увеличение срока их пребывания в регионе в соответствии с продолжительностью экологических маршрутов (в среднем 3—5 дней). Это повлечет за собой рост доходов фермеров и местных сообществ, располагающих ограниченным объемом инвестиций.

Улучшение качества обслуживания туристов, устойчивое развитие малого и среднего предпринимательства, применение экологического менеджмента приведут к качественным изменениям агротуризма. Мультипликативный эффект индустрии туризма стимулирует устойчивое развитие других секторов экономики региона, приводит к повышению эффективности работы аграрных предприятий и сопряженных видов деятельности. Комплексное развитие взаимодополняющих секторов

экономики, применение принципов устойчивого развития способствуют гармоничному развитию региона в целом.

В настоящее время уже внедряются новационные подходы к развитию сельского хозяйства и в дальнейшем процесс будет совершенствоваться.

2. Влияние на социальную подсистему.

Рост занятости (в первую очередь среди женского населения и молодежи) за счет развития альтернативных видов деятельности в сельской местности позволяет ослабить процесс миграции населения из сельских районов в города. Развитие агротуризма приводит к формированию позитивного образа фермерских хозяйств и деревень, инфраструктуры и сопряженных видов деятельности к повышению качества жизни местного населения, улучшению его социального самочувствия. Особое значение имеет транспортная инфраструктура, системы связи, бытовая и социальная инфраструктура (учреждения здравоохранения, информационные центры, клубы и т. д.), используемая для удовлетворения потребностей местного населения и необходимая для развития территории. Участие местного населения в туристской деятельности создает дополнительную мотивацию к повышению уровня своего образования, приобретению новых навыков, знаний и умений. Получает развитие предпринимательство, хозяйства, создающие продукцию с целью его реализации на региональном рынке.

Развитие агротуризма способствует сохранению исторических и культурных традиций, возрождению традиционных ремесел, что вносит вклад в охрану исторического наследия региона.

3. Влияние на экологическую подсистему.

Одним из главных факторов развития агротуризма является хорошее состояние окружающей среды. Население районов, где планируется развивать туристскую деятельность, должно понимать необходимость охраны природы и ландшафтов и принимать участие в этом процессе.

Улучшение экологической ситуации и стимулирование устойчивого развития территории возможны через мониторинг, применение устойчивого экологического менеджмента, развитие экотуризма, обмен опытом и технологиями в данной сфере

в рамках международных проектов, активное участие некоммерческих неправительственных организаций, университетов и других учреждений в области экологического образования.

Эффективное управление агротуризмом приводит к уменьшению затрат ресурсов на единицу продукции, что способствует «смягчению» внешнего воздействия на окружающую среду.

Развитие агротуризма как альтернативного вида туристской деятельности способствует снижению рекреационной нагрузки на популярные туристские направления, традиционные центры притяжения туристов. Распределение туристов по территории региона будет более равномерным.

Список литературы

1. *Экономическая и социальная география: основы науки: учебник для студ. высш. учеб. заведений.* М., 2004.
2. *Родионова И. А., Бунакова Т. М.* Экономическая география: учеб. пособие по географии. М., 1998.
3. *Десятова Н. Н., Корнеевец В. С., Кропинова Е. Г.* Организация сельского туризма: практическое пособие. Калининград, 2003.
4. *Fennel David A.* Ecotourism. An introduction. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 1999.
5. *Fennel David A. et al.* Ecotourism. Second edition. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2003.
6. *Fennell David A., Dowling Ross K.* Ecotourism Policy and Planning: CABI Publishing, 2003.
7. *Hall C. M., Page S. J.* The geography of tourism and recreation: environment, place, and space. London and New York: Routledge, 1999.
8. *Roberts L., Hall D.* Rural tourism and recreation: Principles to practice: CABI Publishing, 2003.

Об авторах

Е. Г. Кропинова — кандидат географических наук, кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма факультета сервиса РГУ им. И. Канта.

А. В. Митрофанова — аспирантка кафедры социально-экономической географии и геополитики РГУ им. И. Канта.

УДК 338.24

Д.Г. Федоров

**ЭКОНОМИКО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ И СПЕЦИФИКА
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

В целом для Калининградской области характерна неблагоприятная экономико-демографическая обстановка [5]. Темпы воспроизводства трудовых ресурсов, как и в большинстве российских областей, крайне низкие из-за депопуляции, обусловленной невысоким уровнем рождаемости. Миграционный приток из других регионов страны и ближнего зарубежья в ближайшие годы перестанет восполнять сокращение численности трудоспособного населения, вызванное превышением числа выбывающих из трудоспособного возраста над числом, вступающим в него. Конечно, в условиях экономического кризиса (начавшегося во второй половине 2008 г. и продолжившегося в 2009 г.) это можно расценивать положительно, поскольку обеспечивает меньший уровень безработицы по сравнению с тем, который мог оказаться в условиях расширенного воспроизводства трудовых ресурсов. Однако с выходом экономики из кризиса и созданием новых рабочих мест, после исчерпания резерва лиц, не занятых в экономике, может возрасти дефицит кадров. Демографическая структура населения (без учета повозрастной смертности и миграций) обуславливает сокращение населения трудоспособного года, по нашим оценкам, с 603 тыс. человек на начало 2009 г. до 520 тыс. человек на начало 2014 г.

При наличии общих черт муниципальные образования области имеют и существенные экономико-демографические различия. Выполненный автором территориальный анализ

позволяет выделить по совокупности экономико-демографических критериев четыре типа муниципальных образований Калининградской области: метрополитенский, пригородный, переходный и периферийный (рис. 1).

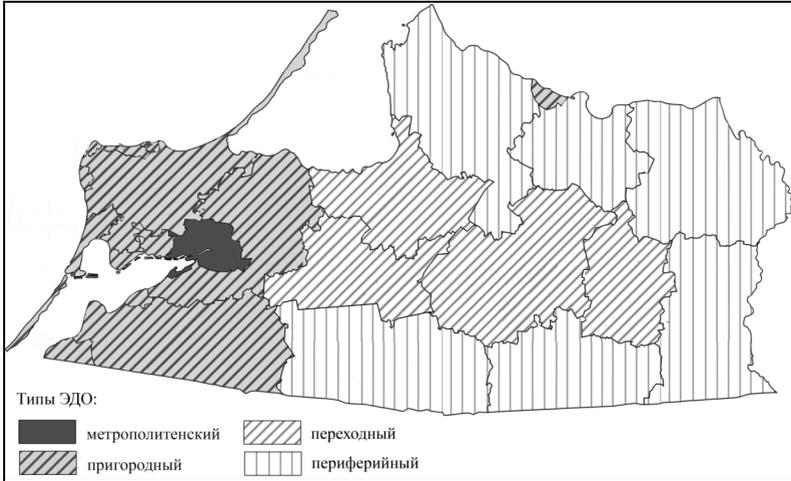

Рис. 1. Экономико-демографическая типология городских округов и муниципальных районов Калининградской области

Стратегическое планирование развития муниципальных образований в Калининградской области опирается на определенный опыт, накопленный их органами власти (которые в своей работе обмениваются опытом не только с другими регионами страны, но и учитывают опыт муниципалитетов соседних стран ЕС, прежде всего Польши и Литвы [1 с. 246; 3, с. 105]). Министерством по развитию территорий и взаимодействию с органами местного самоуправления подготовлены методические рекомендации по разработке муниципальных стратегий и программ социально-экономического развития. Однако специфика воспроизводства и использования трудовых ресурсов учитывается в крайне малой степени. Между тем территориальные различия, особенно различия четырех выделенных экономико-демографических типов, должны во мно-

гом определять темпы, источники и отраслевые направления развития экономики муниципальных образований.

К метрополитенскому типу относится город Калининград. Здесь наблюдаются особенно низкие темпы естественного воспроизводства трудовых ресурсов, которые пополняются за счет мигрантов и активной маятниковой трудовой миграции из прилегающих муниципальных образований. Темпы экономического развития высокие. Наиболее высоки уровень и качество жизни населения. Занятость населения весьма высокая, а уровень безработицы (как общей, так и регистрируемой) — низкий.

В документах пространственного планирования (2003 г.) рекомендовалось ограничивать дальнейший рост областного центра и создание в регионе второго полюса роста (Черняховск), активизации малых городов и сельских поселений [4, с. 91]. Это соответствует и экономико-демографическим условиям, но плохо согласуется с реальной хозяйственной практикой, поскольку преимущества крупных городов по сравнению с периферией для размещения новых объектов общеизвестны и обусловлены такими закономерностями общественной организации экономики, как концентрация и агломерация производства. В новой схеме территориального планирования указано: «г. Калининград и его агломерация формирует своего рода «ядро» планировочной структуры области» [3]. Именно Калининград прежде всего обладает предпосылками (благодаря научно-образовательному потенциалу и развивающимся связям с крупнейшими инновационными центрами в России и отчасти за рубежом) для скорейшего перехода на инновационный путь развития.

Пригородный тип включает Балтийский, Зеленоградский, Пионерский, Светловский, Советский, Мамоновский, Ладушкинский и Янтарный городские округа, Багратионовский, Гурьевский, Зеленоградский и Светлогорский муниципальные районы. В муниципальных образованиях данного типа темпы естественного воспроизводства трудовых ресурсов также низкие, характерен миграционный прирост населения. В большинстве округов и районов достаточно высоки уровень и темпы экономического развития, уровень и качество жизни населения. Но отдельные субъекты

(Багратионовский район, Ладушкинский и Пионерский округа) в большей мере выступают источниками пополнения трудовыми ресурсами предприятий и организаций областного центра (за счет маятниковой миграции). Значительны объемы трудовой маятниковой миграции в Калининград из Гурьевского и Зеленоградского районов, в Светлый из Зеленоградского района.

Пригородные муниципальные образования, вследствие наибольшей развитости производственной и социальной инфраструктуры, включая близость морских портов и аэропорта, и действия эффектов концентрации, кооперации и агломерирования производства, весьма привлекательны для размещения здесь новых хозяйственных объектов. Однако темпы естественного воспроизводства трудовых ресурсов здесь низкие, а резервы вовлечения в общественное производство лиц, не занятых в экономике, невелики. Поэтому не только сооружение новых хозяйственных объектов, но даже простое сохранение нынешней численности рабочих мест требует значительного миграционного притока. Муниципальные образования данного типа в кооперации с Калининградом должны стать центрами роста инновационной экономики, основанной на внедрении новых технологий, росте производительности труда при существенном межотраслевом перераспределении рабочей силы.

Переходный тип — Гвардейский, Гусевский, Полесский и Черняховский муниципальные районы. Уровень и темпы развития экономики ниже среднего по области, темпы воспроизводства трудовых ресурсов средние, уровень и качество жизни населения ниже среднего уровня. Из Гвардейского и Полесского районов велика маятниковая трудовая миграция в Калининград, из Гусевского района — в Черняховский.

В связи с тем, что ряд предприятий в муниципальных образованиях данного типа закрылись, высвободилось значительное количество рабочей силы, часть которой уже используется на вновь создаваемых объектах. Однако имеются и дополнительные, хотя и ограниченные сужением темпов воспроизводства трудовых ресурсов, возможности строительства новых объектов.

Периферийный тип: Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озерский, Правдинский, Славский муниципальные

районы. Здесь темпы воспроизводства трудовых ресурсов выше, чем в муниципальных образованиях остальных типов, но часто характерен миграционный отток населения и маятниковая трудовая миграция в экономически более развитые округа и районы. Имеется значительный резерв трудовых ресурсов, не занятых в экономике, особенно в сельской местности. Высок уровень безработицы, а весьма значительная часть трудовых ресурсов занята в домашнем и личном подсобном хозяйстве. Уровень и темпы экономического развития, уровень и качество жизни населения — самые низкие в области.

В периферийных районах необходимо стимулировать развитие малого предпринимательства, способного привлечь в экономику незанятые трудовые ресурсы; сооружение достаточно крупных объектов по экономико-демографическим основаниям нецелесообразно, поскольку небольшие по размерам населенные пункты муниципальных образований данного типа не имеют достаточного количества трудовых ресурсов. Вместе с тем известно, что в Неманском районе строится Балтийская АЭС, которой потребуется значительное количество работников, часть которых будет привлечена из близлежащих населенных пунктов Неманского и Краснознаменского районов, Советского городского округа. (Правда, значительную часть потребности, даже на стадии строительства, предполагается покрыть за счет квалифицированных кадров из других регионов России, а возможно, и с закрытой в Литве Игналинской АЭС). К сожалению, какая-либо комплексная программа сооружения объектов, возникающих в связи со строительством АЭС, пока отсутствует, и для недопущения новых экономико-демографических диспропорций требуется ее срочная разработка.

Список литературы

1. *Местное* самоуправление в России и Польше: пособие для муниципальных служащих / под ред. Г. М. Федорова. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009.

2. *Становление* института местного самоуправления в Литве, Польше и Калининградской области Российской Федерации // Реги-

он сотрудничества. Вып. 4 (47). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

3. *Схема территориального планирования Калининградской области*. Правительство Калининградской области. URL: <http://test.gov39.ru/index.php?d2m=page&contid=25a5e3012854728e0c6ab97fdccb65c3a00c0965> (дата обращения: 10.10.2009).

4. *Территориальная комплексная схема градостроительного планирования территории Калининградской области и ее частей*. Калининград: Управление архитектуры и градостроительства администрации Калининградской области, 2003.

5. *Федоров Д.Г.* О перспективах формирования трудовых ресурсов Калининградской области // Исследования Балтийского региона. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. №2. С. 26—29.

Об авторе

Д.Г. Федоров — соискатель РГУ им. И. Канта.

УДК 323

О. Б. Грознецкий

**ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА
К ЦИФРОВОМУ
ТЕЛЕВИДЕНИЮ**

Необходимость регулярно и открытого диалога власти с различными группами населения является общепризнанным фактом. Сбои в этой системе коммуникаций чреваты самыми тяжелыми последствиями как для граждан, так и административно-политических органов. Они провоцируют рост взаимного недоверия, создают питательную почву для деятельности экстремистов, ведут к бесполезной трате ресурсов и времени, которые при других обстоятельствах можно было направить на решение действительно актуальных задач.

Потребность в постоянном диалоге общества и власти обусловлены спецификой деятельности административного аппарата и ее восприятия населением. С одной стороны, управленческим структурам присуща тенденция к изоляции от управляемых, концентрация усилий администраторов на промежуточных этапах деятельности. Эту ситуацию хорошо отражает меткая фраза о том, что «процесс работы важнее результата». Помимо того, при движении информации снизу вверх по иерархической лестнице ей свойственно претерпевать трансформацию в сторону приукрашивания действительности и обобщения. Нередки случаи того, когда власть начинает воспринимать в качестве реальности те пропагандистские продукты, которая она сама распространяет для обывателей. В результате органы управления, ориентируясь на неверную информацию, принимают решения, которые только осложняют ситуацию. С другой стороны, рядовые граждане, их объединения и лидеры испытывают потребность в точной информации о деятельности властей, преследуемых ею целях, механизмах и средствах, предназначенных для решения заявленных задач. Население нуждается в каналах двусторонней коммуникации и для того, чтобы выдвигать свои требования, бороться за включение их в общую повестку дня.

В условиях отсутствия открытого и регулярного информационного взаимодействия или подмены его имитационными формами резко снижается общая эффективность деятельности административных структур, возрастают социальная напряженность и риск выхода общественной жизни за рамки правового поля.

Сегодня электронные СМИ играют важную роль в деле обеспечения диалога между властью и российским обществом. Она повышается в связи с тем, что партийно-политическая элита страны продолжает находиться в состоянии формирования. Многие привычные для развитых государств общественно-политические институты, участвующие в информационном взаимодействии различных групп социума с административно-политическими структурами, в России пока не достигли

надлежащего уровня функционирования. Наглядным подтверждением данного вывода служит деятельность отечественных политических партий. Несмотря на то что монополия на власть единственной политической организации, фактически сросшейся с государственным аппаратом, была отменена еще два десятилетия назад, российские политические организации так и не смогли полностью избавиться от «детских болезней»: вождизма, слабости низовых структур, чрезмерной централизации и бюрократизации в ущерб внутрипартийной демократии. В еще более сложном положении находятся профессиональные союзы.

В подобной обстановке общедоступное телевидение стало основным источником, из которого население черпает информацию о социально-экономической ситуации и общественно-политической жизни. Рунет, несмотря на его бурное развитие за последнее десятилетие, пока еще не стал реальной альтернативой ТВ для массовой аудитории.

Обращает на себя внимание тот факт, что федеральные и региональные телеканалы существенно разнятся по тем функциям, которые они выполняют в рамках диалога власти и общества. Федеральное ТВ в постсоветский период чем дальше, тем активнее возвращается к своей роли носителя официальной пропаганды. В настоящее время на общероссийских каналах механизм обратной связи сведен к «репортажам с мест», которые вкрапливаются в информационную мозаику новостийных выпусков. Трудно считать подобную форму полноценным каналом двухсторонней коммуникации. Как правило, тематика таких репортажей определяется столичной редакцией. Или в лучшем случае — собкором центральных телеканалов на местах.

Региональные и локальные телеканалы в силу совокупности финансово-кадровых, правовых и технических проблем лишены возможности заполнять свой эфир развлекательной продукцией: шоу, концертами, сериалами и кинофильмами. Практически единственной сферой, где они могут составить конкуренцию федеральному ТВ, является информация о жиз-

ни соответствующего региона. Только такая тематика способна привлечь аудиторию. Вместе с тем формат регионального телевидения позволяет активно использовать различные интерактивные механизмы. В частности, на всех региональных телеканалах Калининградской области существуют программы, функционирующие по модели «горячей линии», по телефону которой зрители задают вопросы чиновникам областного правительства или органов местного самоуправления в прямом эфире. Региональные органы государственной власти и представители муниципалитетов со своей стороны широко используют возможности региональных телеканалов для информирования населения о деятельности административных структур. Наибольшую эффективность с точки зрения охвата максимальной аудитории имеют при этом выпуски местных новостей. По данным исследований, проводившихся в г. Калининграде, за неделю выпуски новостей Государственной телерадиокомпании «Россия-Калининград» смотрят 52 % зрителей. У новостей, которые подготавливают три частных телеканала, аналогичный рейтинг — 8—10 % [1].

Сложившаяся ситуация с участием региональных электронных СМИ в обеспечении диалога власти и общества в ближайшем будущем может измениться самым радикальным образом. Как известно, в нашей стране в рамках федеральной целевой программы «Инфраструктура» реализуется проект перехода от аналоговых систем распространения сигнала к цифровым. Завершить этот процесс планируется к 2015 г. В ряде регионов, в число которых попала и Калининградская область, данный процесс будет максимально ускорен, в первую очередь и в связи с геополитическим фактором. Дело в том, что международные правила предусматривают закрепление соответствующих частот вещания за теми странами, которые первыми приступят к этой деятельности. Именно поэтому создание технической базы для цифрового телевидения идет вдоль границы с Китаем и странами ЕС — Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей [2]. Калининградская область, являющаяся российским эксклавом, окруженным терри-

торией ЕС, вынуждена форсировать развитие цифрового телевидения, чтобы не оказаться в самом неблагоприятном положении.

В концептуальном плане цифровое телевидение должно оказать революционное воздействие на российский эфир. Появится возможность не только качественно улучшить изображение. Резко возрастет свобода выбора зрителя, которому станут доступны десятки телеканалов. Появятся новые возможности для интерактивного общения аудитории с тележурналистами.

Вместе с тем существует опасность того, что, сосредоточившись исключительно на технических аспектах нового этапа развития отечественного телевидения, власти и общество рискуют потерять одну из площадок своего информационного взаимодействия. Речь идет о региональном ТВ. Действующая программа перехода на цифровое вещание предусматривает предоставление всем зрителям пакета бесплатных каналов.

Подобное решение является наиболее рациональным способом смягчить неблагоприятные последствия внедрения новой технологии. Как показывает опыт западных стран, население на первых порах негативно воспринимает введение абонентской платы за просмотр тех или иных телеканалов. Механизм подобной реакции очевиден: люди, еще вчера имевшие возможность смотреть ТВ бесплатно, сегодня должны выкладывать за это деньги. Такое развитие событий однозначно оценивается массовым потребителем как ухудшение его положения и вызывает отказ от услуги. Безусловно, со временем острота восприятия притупляется и человек привыкает к новой статье своих расходов. Происходит та же самая адаптация, которую мы наблюдаем при росте цен на любую общедоступную услугу. Например, практика работы общественного транспорта демонстрирует, что рост стоимости билета на какое-то время приводит к уменьшению объемов пассажиропотока. Но через две-три недели ситуация возвращается в прежнее русло.

На сегодняшний день в бесплатный пакет цифрового телевидения включены исключительно федеральные телеканалы. Региональному ТВ придется или трансформироваться в кабельное телевидение или ожидать включения в перечень платных каналов. При этом на сегодняшний день не существует технических проблем для трансляции передач местных телестанций в цифровом формате, о чем говорил автору статьи в интервью технический директор передающего центра ОРТ в Калининградской области И. И. Осачий. Чего нельзя сказать о других аспектах этой проблемы.

Данная ситуация не воспринимается в качестве проблемной ни одним из участников: ни обществом, ни владельцами и сотрудниками региональных телекомпаний, ни властью. Поэтому не предусмотрено никаких мер организационно-правового характера, призванных обеспечить дальнейшее сохранение роли региональных электронных СМИ в качестве площадки для диалога власти и местного сообщества.

В частности, речь идет о получении соответствующих лицензий, включении в пакет бесплатных каналов и ряде других вопросов технического характера. Опыт деятельности российской бюрократии по выдаче разрешений и согласований в других сферах не позволяет рассчитывать на оперативное решение вышеперечисленных проблем после того, как они все-таки будут восприняты в качестве актуальных. Следствием чего может стать ликвидация одного из наиболее эффективных каналов, по которому осуществляется в настоящее время информационное взаимодействие власти и общества в российской провинции. Образно говоря, власть внезапно еще сильнее «оглохнет», а население лишится одной из немногих возможностей вести диалог с этой властью.

Безусловно, в условиях отлаженной системы административного управления, глубокого «врастания» партийных структур в социальную ткань, высокого уровня конкуренции на выборах всех уровней и ветвей власти подобная потеря не вызвала бы больших проблем. Суть проблемы состоит в том, что пока российское общество не может похвастаться вышепере-

численными атрибутами. Их создание неизбежно потребует времени, сил и политической воли. Вряд ли можно считать положительным фактом то, что подобную сложную деятельность российскому социуму и его правящей элите придется осуществлять при «отключении» одного из каналов информационного взаимодействия общества и власти, каковым на сегодняшний день являются региональные электронные СМИ.

Список литературы

1. *Результаты* исследования аудитории телевидения г. Калининграда. Репрезентативное дневниковое исследование в рамках проекта «Медиапространство Калининградской области». Ассоциация региональных средств массовой информации — Медиацентр. Калининград, 2008. С. 67, 73.

2. *Уразова С.* Цифровые реалии российского ТВ-вещания // *Соп-нест! Мир связи.* 2009. № 12.

Об авторе

О. Б. Грознецкий — соискатель РГУ им. И. Канта.

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ

УДК 376.1:614.2

И. Г. Ецина
Л. И. Чашина

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОХРАНЕНИИ И ВОССТАНОВЛЕНИИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РФ

Общие тенденции формирования здоровья россиян характеризуются ростом заболеваемости всех возрастных групп населения и накоплением ряда тяжелых недугов. Попытка решить эту проблему обозначена в Концепции демографического развития России на период до 2015 года, разработанной на основе Указа Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24 «О Концепции национальной безопасности РФ». Провозглашены следующие задачи демографического развития РФ в области укрепления здоровья: увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения, рост продолжительности здоровой (активной) жизни, улучшение репродуктивного здоровья населения, улучшение качества жизни хронических больных и инвалидов.

Таким образом был задан вектор реформам в системе здравоохранения России в первое десятилетие нового века. Среди наиболее значимых отметим две реформы системы здравоохранения Калининградской области: *переход на страховую систему финансирования учреждений, оказывающих лечебную помощь при социально значимых болезнях (2004—2009 гг.)*, а также *переход на одноканальную систему финансирования (2008)*. Названные реформы исключили поступление бюджетных средств на нужды здравоохранения. Финансирование ведется из средств территориального фонда медицинского стра-

хования, который оплачивает проделанную лечебную работу по факту заболевания и обращения. Из этого следует, что медицина полностью сконцентрирована на диагностике и лечении болезней, а на профилактическую и реабилитационную работу денег у территориального фонда нет. Предполагается, что эту работу будут вести врачи общей практики и семейные врачи, офисы которых стали открываться в Калининградской области, а также Центры здоровья, создаваемые при крупных поликлиниках, но эта практика находится в стадии становления.

В связи с новыми принципами организации здравоохранения встает вопрос: как, какими ресурсами и где целесообразнее и эффективнее будет организовать работу по профилактике различных заболеваний и по реабилитации пациентов с уже имеющейся патологией? То есть это вопрос не о лечении, а о сохранении и укреплении здоровья населения и возвращении в социум людей, перенесших различные заболевания. Лечебные учреждения и медицина в целом не имеет ресурсов, способных решить эту задачу, так как основное направление их работы — лечение и диагностика уже возникших болезней.

Учитывая комплексность понятия «здоровье», физическую, психическую и социальную его составляющие, становится очевидным, что формирование, сохранение и возвращение здоровья возможно только при сочетании усилий воспитателей, педагогов, психологов, руководителей разных уровней, медицинских работников, представителей культуры и спорта, политиков и общественных организаций. Иными словами, назрела необходимость всерьез задуматься над фундаментальными проблемами формирования и развития здоровой личности, поскольку лишь решение этих проблем является гарантом здоровья отдельного человека и общества в целом.

В последние годы в нашей стране и за рубежом формируется новое научное направление — «Психология здоровья». Оно пока только в начале пути, поэтому специалистам еще предстоит установить дефиниции, предмет, цели, задачи, классифицировать методы и т. д. Психология здоровья опирается на теорию и практику предупреждения развития различ-

ных заболеваний — как нервно-психических, так и соматических, однако этим не ограничивается, поскольку включает в себя мероприятия по созданию личностных условий индивидуального развития, компенсации и адаптации (в случае необходимости, например, перенесенной болезни) к требованиям жизненной среды; обеспечивает психологическую адаптацию личности в обществе, развивая личностные качества, необходимые для установления гармоничных социальных связей; способствует самореализации человека, повышению качества его жизни и в том числе оказывает психологическую помощь при завершении жизненного пути и ухода из жизни [1]. Психология здоровья является междисциплинарной областью, включающей психологические, медицинские, педагогические, социальные и гигиенические знания.

Основываясь на системном подходе к здоровью и болезни, современная наука говорит о необходимости биопсихосоциодуховной комплексной модели подхода к профилактике, лечению заболеваний и реабилитации после перенесенного медицинского вмешательства. Опыт и научные исследования показывают, что первопричина, дающая толчок к развитию различных заболеваний и девиантных форм поведения, к которым бихевиоральная медицина относит и многие соматические заболевания, обнаруживается чаще всего в психике человека.

Отсюда вытекает, что невозможно вылечить болезнь и заболевшего, не перевоспитав его, а, следовательно, нужна реконструкция его личности. Подобные изменения невозможны без переобучения, без формирования новых, более адаптивных форм поведения и мышления. Возникает необходимость применения *реабилитационной педагогики*. Реабилитационная педагогика — это научное направление, объединяющее медицинские, психологические, общепедагогические и дефектологические знания, и хотя ему уже более 200 лет, теоретическая область реабилитационно-педагогической деятельности находится сегодня лишь в стадии формирования.

Реабилитация — завершающий этап общего лечебного процесса, где весьма важно оценить эффективность лечения,

воздействия на организм, прежде всего в плане восстановления личностного и социального статуса клиента. Она представляет собой сложный процесс, в результате которого у пострадавшего формируется активное отношение к нарушению его здоровья и восстанавливается положительное восприятие жизни, семьи и общества [6]. Иными словами, это многогранный процесс восстановления здоровья человека и реинтеграции его в трудовую и социальную жизнь.

Естественно, что виды реабилитации следует рассматривать в единстве и взаимосвязи, а саму реабилитацию — как сложную социально-медицинскую проблему, в которой можно выделить несколько аспектов: *медицинский, физический, психологический, профессиональный (трудовой) и социально-экономический*.

Сказанное означает, что выздоровление больного после перенесенного заболевания и его реабилитация — совсем не одно и то же, так как помимо восстановления здоровья пациента необходимо восстановить еще и его работоспособность (трудоспособность), социальный статус, т. е. вернуть человека к полноценной жизни в семье, обществе, коллективе.

На наш взгляд, создание общественных организаций пациентов — один из эффективных способов решения проблем реабилитации заболевших, дающих возможность комбинированного и координированного применения социальных, педагогических, психологических мероприятий, направленных на предотвращение развития патологических процессов, приводящих к временной или стойкой утрате трудоспособности, а также на раннее и эффективное возвращение больного в общество, к общественно полезному труду. Общественная организация пациентов может также стать базой для проведения профилактических мероприятий среди населения.

На сегодня в Калининградской области существуют разные формы объединения пациентов с различными хроническими заболеваниями с целью профилактики рецидивов и осложнений. Сюда относятся школы пациентов с гипертонической болезнью, сахарным диабетом, бронхиальной астмой, яз-

венной болезнью желудка, организованные при поликлиниках и направленные в основном на когнитивную сферу человека. Созданы общественные организации наркологического профиля, общественная организация «Нить Ариадны», объединяющая родственников психически больных людей, общественная организация «Мария» для детей, страдающих ДЦП, и др.

Ярким примером эффективной общественной деятельности по реабилитации больных является общественная организация «Вита», объединившая женщин, перенесших операцию по поводу рака молочной железы, созданная в июне 2002 года.

Надо сказать, что заболеваемость злокачественными опухолями в России с каждым годом возрастает. Самое частое «органное» онкологическое заболевание у женщин — это рак молочной железы (РМЖ): ежегодно этот диагноз ставится одному миллиону двумстам тысячам женщин во всем мире. С развитием онкологии отмечается и увеличение продолжительности жизни больных, перенесших радикальное лечение. Однако до сих пор, к сожалению, удаление опухолевого очага достигается путем калечащей операции и других агрессивных методов лечения. Рак молочной железы поражает большое количество женщин как во всем мире, так и в Калининградской области. В нашей области ежегодно оперируется 150—170 новых больных с РМЖ, а также женщины с онкогинекологическими заболеваниями. При этом в последние годы заболевает много молодых женщин.

Когда человеку ставится диагноз «рак», он и члены его семьи оказываются в состоянии психологического шока, нередкоходящего до депрессии, так как люди этот диагноз считают приговором. Чувство страха, подавленности, обреченности, депрессии у некоторых продолжается годами, что препятствует восстановлению организма после проведенного лечения. Страх за будущее снижает защитные силы организма, и ослабленный иммунитет способствует появлению рецидивов.

В Калининградской области почти половине из заболевших в год женщин делается операция мастэктомии, что приводит не только к функциональным нарушениям, которые свя-

заны с потерей органа или его части, но и к глубоким эмоциональным расстройствам, тормозящим процесс адаптации и ресоциализации [3].

Отмечается, что рак молочной железы даже в ряду других онкологических заболеваний отличается большой психологической травматичностью. Среди факторов, приводящих к стрессу и психосоциальной дезадаптации, выделяются специфика оперативных вмешательств при РМЖ, возможность рецидива заболевания, инвалидизация, проблемы, возникающие в микросоциальной среде больного. Особенностью переживаний нередко является смещение акцента с болезни на межличностные отношения: боязнь утраты женственности и изменения отношений с другими людьми приобретают для больных женщин первостепенное значение, вследствие чего данное заболевание сопровождается чрезмерным эмоциональным напряжением. Кроме того, угрожающее слово «рак» связано с поражением и часто утратой органа, имеющего большое значение для самооценки женщины и ее общего психоэмоционального состояния [2]. Как следствие, отмечается частая невротизация больных РМЖ, снижение настроения и апатия, нарушается социально-психологическая адаптация личности [6].

В практическом здравоохранении психологическому здоровью онкобольных женщин, перенесших операцию по поводу рака молочной железы, уделяется мало внимания, а исследования носят ситуативный, поисковый характер. Остаются открытыми вопросы о том, какие именно свойства интегральной индивидуальности обуславливают специфику эмоциональных реакций индивида и каковы наиболее общие тенденции этих отношений.

Нередки случаи, когда прооперированные женщины в течение многих месяцев не могут выйти из состояния психологического шока. Группа поддержки для них оказывается недостаточно эффективной. У них просьба только одна: «Помогите попасть к психологу». В итоге оказывается, что с данной больной надо работать специалисту многократно и не по одному часу. Многим нужна помощь семейного психолога.

На решение вышеперечисленных проблем и направляет свои усилия общественная организация «Вита», постоянными членами которой стали более 200 женщин Калининграда. (В области живет около 2 тыс. женщин, перенесших операции по поводу рака груди.) Формы работы разные: группы общения, встречи с психологом, с врачами, беседы, выезды на природу, помощь в приобретении протезов, индивидуально сшитого белья и пр.

Начиная с 2004 года направления общественной деятельности расширились. Помимо клубной работы, организация активно участвует в проведении научно-практических конференций, семинарах для врачей области по диагностике ранних форм заболевания, тренингах по подготовке волонтеров из числа оперированных женщин. Так, авторы статьи проводили тренинг по международной комплексной психолого-педагогической и социально-коммуникативной программе «Путь к выздоровлению», подготовленной для помощи женщинам, страдающим раком молочной железы (при участии д-ра пед. наук В. А. Чулковой). С 2005 года функционирует школа-лекторий «Как жить с болезнью?» для женщин после мастэктомии по поводу рака молочной железы. С 2006 года можно пообщаться по телефону доверия, на котором работают волонтеры.

Деятельность общественной организации показала, что бывшие больные раком молочной железы, в настоящее время физически и эмоционально здоровые, намного эффективнее коммуницируют и создают атмосферу доверия с пациентами, которым этот диагноз поставлен недавно. Волонтеры отлично справляются с эмоциональной и практической поддержкой женщин, настраивают их на принятие собственных решений о необходимости лечебных воздействий, оказывают эмоциональную помощь в период прохождения всех видов лечения, настраивают на сотрудничество с медицинским персоналом.

Таким образом, работа добровольцев-общественников — своеобразный мост, заполняющий пустоту между службой здравоохранения и пациенткой. Оказалось, никто не в состоянии понять и поддержать только что узнавшую о диагнозе ис-

пуганную женщину лучше, чем женщина, которая победила тот же недуг, чья жизненная позиция и внешность служат наглядным доказательством эффективности лечения. Настало время, когда вновь прооперированные больные сами просят помощи волонтеров как в онкологическом отделении, так и в отделении химиотерапии.

Положено начало созданию филиалов организации и в районах Калининградской области, где с женщинами проводится профилактическая работа (Черняховск, Полесский район, Мамоново). «Вита» занимается просветительской и профилактической деятельностью среди молодежи и здоровых женщин.

Опыт волонтеров в филиалах «Виты» показал, что лучшими «агитаторами» за здоровый образ жизни и внимательное отношение к своему женскому здоровью являются именно волонтеры. Дело в том, что в профилактической медицине можно выделить три концептуальных стратегии: первая из них ориентирована на патогенную основу факторов риска (запугивание, устрашение населения теми или иными недугами, неминуемо подстерегающими каждого, кто злоупотребляет жирной пищей, курением, алкоголем и пр.). Такой вид профилактики губителен для психического здоровья, что снижает уровень здоровья в целом. Вторая ориентирована на рациональную, когнитивную составляющую личности (предоставление объективной статистики, разъяснение патогенных механизмов воздействия, ознакомление с различными моделями здорового образа жизни). Современная каузальная концепция ориентирована на когнитивную, поведенческую и эмоциональную части личности. Превентивная работа общественной организации «Вита» построена согласно последним концептуальным стратегиям профилактики.

Контакты «Виты» расширяются. В январе 2007 года к волонтерам присоединились студентки выпускных курсов факультета психологии и социальной работы, участвующие в профилактике рака молочной железы у здоровых женщин. Установлены тесные отношения с родственной организацией в Польше — с «Эльблонгскими амазонками». В 2004 году пред-

ставители организации принимали участие в российской, а в 2005 году — международной конференции в Москве, где обсуждались вопросы реабилитации больных после операций по поводу РМЖ. Установлены контакты с общественными организациями многих городов России, Украины и Белоруссии, которые оказывают психологическую помощь женщинам с заболеванием РМЖ.

Представители «Виты» вместе с людьми, страдающими онкологией, врачами, родственниками пациентов, представителями различных общественных организаций ежегодно участвуют в благотворительных маршах и других акциях под девизом «Мы против рака», организуемых общественными организациями из США для стран Восточной Европы и Центральной Азии, которые проходят разных городах Европы и России.

Многoletний опыт работы групп поддержки онкологических больных в разных странах мира, опыт КРОО «Вита», исследования иммунологов показывают, что долгосрочный прогноз зависит от того, какую линию жизни выбирает пациентка. Одни объединяются в группы, клубы, школы, а другие страдают в одиночестве. В первой группе, в объединениях, — качество жизни выше и дольше продолжительность жизни. Одиночество, страдание, страх резко снижают иммунитет и, соответственно, ухудшают прогноз.

Резюмируя сказанное, отметим, что всем заболевшим и их близким, в том числе детям в этих семьях, нужна полноценная психологическая реабилитация. Она позволит выйти из трудной, кризисной жизненной ситуации, сохранить жизнь, полноценную семью, уверенность в будущем и возможность воспитывать детей. Профилактическая работа, направленная на здоровье, должна строиться с учетом когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов формирования здорового образа жизни.

Однако врачебная деятельность из-за широкого применения аппаратуры для диагностики и лечения стала крайне объективизированной, коммуникативно-редуцированной и не мо-

жет выполнить данную функцию. В подобных обстоятельствах выход видится в усилении роли общественных организаций в контроле за здоровьем и в процессе реабилитации и профилактики.

Примеры деятельности общественных организаций, подобных «Вите», можно найти в Ижевске, Казани, Хабаровске и других городах. Они не решают проблемы организации квалифицированной и доступной медицинской помощи, однако помогают существенно улучшить реабилитацию больных и повысить их качество жизни.

Список литературы

1. *Ананьев В. А.* Психология здоровья. СПб., 2006.
2. *Марилова Т. Ю.* Некоторое психологические проблемы РМЖ: обзор // Журнал невропатологии и психиатрии им. Корсакова. 1986. Т. 86, вып. 3. С. 445—452.
3. *Психические нарушения у больных РМЖ и методы психотерапевтической коррекции / В. Н. Герасименко [и др.] // Хирургия. 1999. № 4.*
4. *Симаева И. Н.* Психология адаптации субъекта к изменениям жизнедеятельности. Калининград, 2005.
5. *Симаева И. Н., Ецина И. Г.* Свойства темперамента женщин, страдающих онкологическими заболеваниями // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Калининград, 2008. № 11.
6. *Чулкова В. А.* Совершенствование методов реабилитации онкологических больных. М., 2006.

Об авторах

И. Г. Ецина — старший преподаватель РГУ им. И. Канта, врач-психотерапевт высшей категории, куратор КРОО «Вита», e-mail: ecinairina@mail.ru

Л. И. Чашина — президент КРОО «Вита», врач-гинеколог, специалист высшей категории по гигиеническому воспитанию и обучению населения, e-mail: lidyachashina@yandex.ru

УДК 376.1:614.2

С. И. Куликов

**ИНТЕГРАЦИЯ
ПЕДАГОГИКИ
И МЕДИЦИНЫ
КАК ПУТЬ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА**

Социально-экономические преобразования последних десятилетий, кризис институтов семьи, образования и экономики привели к изменению соотношения социально-экономических условий, структуры заболеваемости и других факторов, обуславливающих состояние здоровья населения в РФ [1; 4]. Базовые составляющие человеческого капитала — активная деятельность и состояние здоровья совре-

менного человека испытывают дополнительную нагрузку. Между тем динамика смертности и продолжительности жизни населения свидетельствуют о том, что общие принципы организации здравоохранения не дают желаемого эффекта, несмотря на современное качество и условия жизни людей [14; 16; 19].

Налицо противоречия между требованиями социально-экономического и социокультурного развития общества и характеристиками системной деятельности по улучшению и сохранению здоровья россиян, формирующими положительный человеческий капитал.

В данных обстоятельствах представляется перспективной интеграция медицинской и педагогической науки, которая в начале третьего тысячелетия получила новый стимул для развития, поскольку обязана в первую очередь изменению соотношения факторов, обуславливающих состояние здоровья населения. В начале XX века главной угрозой для здоровья населения были особо опасные инфекционные и паразитарные заболевания, которые давали наибольшую смертность: чума, холера, оспа, тиф. Первые три десятилетия были отмечены в

России не только Гражданской войной, но и первой противоэпидемической революцией. Массовые проекты по профилактике вышеназванных болезней очень быстро дали результат и обеспечили в течение короткого времени прирост продолжительности жизни на 12—15 лет. Столь заметные успехи в предупреждении и лечении инфекционных заболеваний были обусловлены возможностью решить проблему путем вакцинации (скажем, против оспы) либо масштабных оперативных мероприятий (холера, чума, тиф). Иными словами, на социальном уровне путем организационных действий системы здравоохранения [7; 8].

К началу третьего тысячелетия картина изменилась: инфекционные болезни составляют в статистике заболеваемости менее 10 %, а приведенные выше особо опасные инфекции — доли процента. Главными причинами смерти стали соматические заболевания (87 %) [18]. И как выяснилось из многочисленных статистических исследований, влияние системы здравоохранения на обеспечение здоровья стало не столь определяющим, как представляется большинству населения, в то время как именно с ней традиционно связываются надежды на здоровье. Данное обстоятельство обусловлено, среди социально-экономических и прочих факторов, тем, что российский пациент обращается к врачу, как правило, по необходимости, связанной с болезнью. Профилактические мероприятия в виде диспансеризации носят зачастую формальный характер. Соответственно, и врач занимается не охраной здоровья, а лечением болезни.

В результате при немалом объеме медицинской помощи и том обстоятельстве, что Россия, по данным ООН, вошла в группу стран с высоким уровнем человеческого развития (индекс = 0,817; 71 место в мире), средняя ожидаемая продолжительность жизни в России составляет всего 66,2 года. Россия занимает место после Албании и находится почти в самом конце списка высокоразвитых, по оценке ООН, государств; после нее в данном списке только 12 стран. Возглавляет рей-

тинг качества жизни Норвегия, где продолжительность жизни одна из самых высоких в мире — 80,5 лет [19].

Представляется важным не только этот существенный разрыв в 14—15 лет, но и то, что значительная часть наших соотечественников уходит из жизни *в трудоспособном возрасте*, причем уровень смертности российских мужчин и женщин в трудоспособном возрасте значительно выше среднеевропейского показателя.

В отдельных регионах, к примеру Калининградской области, тенденции еще более негативные: продолжительность жизни короче на 3 года, чем в среднем по России, и на 10—12 лет ниже, чем в сопредельных регионах — Литве и Польше [9]. Весьма существенным является различие в продолжительности жизни мужчин и женщин в Калининградской области, которое составляет 14,5 года, тогда как в России — 13 лет, а в большинстве развитых стран — 4—7 лет.

Основные причины смертности россиян — это болезни, среди которых главенствующую роль играют болезни системы кровообращения — 56,9% [15; 16; 19]. Кроме того, распространены заболевания, не определяющие напрямую продолжительность жизни, но часто приводят к временной утрате трудоспособности и значительно ухудшают качество здоровья. К примеру, в Калининградской области таковыми являются болезни органов дыхания (18% от всех регистрируемых), системы кровообращения (13,2%), заболевания мочеполовой системы (8,6%). Отдельной проблемой остается сравнительно высокий уровень заболеваемости социально обусловленными болезнями — наркоманией, ВИЧ-инфекцией, туберкулезом, гепатитом, а также периодические вспышки кишечных инфекций и гриппа [9].

Данные статистики указывают на недостаточную эффективность современных общих принципов организации медицинской помощи в условиях современного качества жизни населения.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) пришла к необходимости разработки новых принципов укрепления здо-

ровья еще в конце прошлого века. Оттавская хартия развития здравоохранения от 1986 г. установила основные принципы укрепления здоровья, которые направлены на определение и положительное воздействие на главные причины, или детерминанты, здоровья. Помимо социальных и экономических факторов, определяющих состояние здоровья, выделены факторы риска для здоровья, такие как особенности питания и физическая инертность, курение, употребление алкоголя

Целью деятельности по укреплению здоровья, указывалось в хартии, является содействие людям в усилении контроля над своим здоровьем и его детерминантами путем развития личных навыков, деятельности на уровне общин, разработки правильной политики, создания соответствующих служб здравоохранения и окружающей среды, благоприятной для здоровья и *сокращение рисков для здоровья*. Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака и глобальная стратегия ВОЗ в области рациона питания, физической активности и здоровья — вот только два примера такой политики.

В Бангкокской хартии развития здравоохранения от 11 августа 2005 г. предпринята попытка определить наилучшие ответные меры на негативные тенденции, существенным образом воздействующие на здоровье и благосостояние людей, и пути дальнейшего развития стратегий по укреплению здоровья и большего соответствия требованиям нового тысячелетия [7].

Совершенно очевидно, что поставленные цели и задачи выходят за пределы стереотипных представлений о медицинской деятельности в сферу обучения и воспитания пациентов стратегиям сохранения и восстановления здоровья, навыкам самосохранительного поведения. Данные задачи решаются в русле педагогической науки, и интеграция педагогических и медицинских знаний и методов становится важным условием эффективности профессиональной деятельности медицинского работника.

Наиболее оптимальными видятся следующие уровни интеграции педагогики и медицины:

1) *социально-культурный уровень интеграции*, на котором могут быть использованы приобщение к народным традициям поддержания здоровья, культурному опыту формирования средств и методов предупреждения заболеваний, разработаны рекомендации по здоровому образу жизни для пациентов разного возраста, национальной принадлежности, социального или экономического статуса и т. п.;

2) *конституционально-превентивный уровень интеграции*, на котором медицинский работник обучает пациентов моделям превенции (упреждения) конституциональной предрасположенности и факторов риска многих заболеваний, моделям действий для прогнозирования риска заболеваний по совокупности наследственных особенностей, истории жизни и факторов внешней среды, то есть помогает пациенту моделировать принципы и общие схемы самосохранительного поведения, воспитать в себе установки на самосохранение;

3) *дидактический уровень интеграции*, или уровень собственно медицинской педагогики, на котором пациентов обучают поведению, предотвращающему рецидивы заболевания,

На первом и втором уровне предполагается работа со здоровыми или только начинающими заболевать людьми. В настоящее время педагогика интегрирована с медициной только на третьем уровне, однако и эта интеграция распространяется на весьма узкий круг пациентов с такими хроническими видами заболеваний. Медицинская педагогика сегодня определена как междисциплинарная область теории и практики клинической психологии, возникшая на основе эмпирически подтвержденной эффективности специального обучения больных злокачественными опухолями, сахарным диабетом, бронхиальной астмой, сердечно-сосудистыми и другими заболеваниями. Обучение клиента используется клиническим психологом в контексте психотерапевтической работы с ним. В то же время основная часть населения не обращает внимания на свое здоровье и постепенно переходят в болезненное состояние, но попадает в поле зрения врачей лишь в период заболевания.

Видимо, поэтому Оттавская хартия укрепления здоровья (1986) более 20 лет назад призвала больше внимания уделять вопросам здоровья, а не болезням и изменить характер взаимоотношений между медицинскими работниками и населением. Подобная рекомендация, в сущности, является призывом вернуться к исторически сложившемуся единству утилитарной, превентивной, морально-этической и дидактической функций врачей в новых социально-экономических и культурных условиях, на новом уровне развития науки.

В настоящее время существуют объективные трудности на пути интеграции педагогики и медицины, среди которых следующие:

1. Отсутствует теория здоровья, которая бы выявила механизмы его достижения, принципы здорового образа жизни человека. Не имея такой теории, и педагогика, и медицина не могут дать принципиальных установок и рекомендаций по сохранению и укреплению здоровья, а используют преимущественно запреты.

2. Подготовка врачей в медицинских вузах идет, как правило, в направлении лечения болезней, специализации на отдельных группах патологии. Это не позволяет врачу осознавать само понятие здоровья, а заставляет ориентироваться лишь на рекомендуемые для данной системы медицинские «нормы».

3. Первый и второй уровни интеграции предполагают тесное сотрудничество врача с населением, однако для этого сама организация здравоохранения не дает ему необходимого времени, поэтому весь контакт с больным уходит практически полностью на осмотр, обследование и назначение лечения.

4. Кроме того, врач не имеет соответствующей для работы с населением педагогической подготовки, которая позволила бы ему вести профилактическую работу с использованием педагогических технологий и воспитательных методов.

5. Наблюдается узкая дифференциация врачей, работающих с учетом первого и второго уровней интеграции (гиги-

нисты занимаются обеспечением здоровой среды обитания, а не здоровьем человека; диетологи — преимущественно лечебным питанием, психотерапевты — лечением нарушений психики и т. д.).

В такой ситуации врач вынужден ограничиться утилитарными методами и рекомендовать больному те средства и методы, которым в процессе его профессиональной подготовки его лучше всего обучили, — фармакологию или хирургию. Привлекательность и для больного, и для врача такого подхода заключается в быстром эффекте устранения симптома, что создает у больного иллюзию быстрого выздоровления.

Работа на втором и третьем уровнях интеграции педагогики и медицины, переход к здоровому образу жизни дает результат более медленно, хотя и намного эффективней. В этом случае от самого пациента также требуются определенные усилия, режим и т. п. Вот почему в лечении чаще используется не стратегический подход — достижение здоровья, а тактический — устранение острых явлений, что само по себе ущербно, так как не устраняет отдаленные последствия подобного лечения, приводит к хроническим формам заболевания. При этом следует учесть, что, по мнению американских кардиологов, предупреждение заболевания почти в 25 раз дешевле, чем лечение уже возникшей патологии.

Становится очевидным, что проблемы воспитания и обучения как здорового человека, так и страдающего от хронического заболевания, развития его как личности и т. п. целесообразно решать комплексно, в соответствии с достижениями в области знаний о человеке. Коррекцию образа жизни нуждающегося в этом пациента следует интегрировать с методами воспитания его в широком смысле этого слова. Таким образом, педагогика и медицина, опираясь на лучший опыт превентивной деятельности педагогов и врачей в обществе, в частности обучения здоровому образу жизни его членов, объективно объединяются с целью решения определенных жизненно важных задач в интересах индивида, отдельной группы или социума.

Между тем идея интеграции педагогики и медицины не так уж нова. Многие достижения педагогической науки и практики, накопленные на протяжении столетий, получены представителями медицины. Это не случайно и объяснимо не только единством объекта, но и внутренним родством, сходством проблематики и методов обеих областей знания [17]. Множественное соприкосновение медицинских и педагогических работ в вопросах воспитания человека исторически находило отражение в медицинской психологии, физиологии, генетике, гигиене и т. д., с одной стороны, и в общей и профессиональной педагогике, педологии, возрастной психофизиологии — с другой.

В педагогике XVII—XVIII вв. провозглашался принцип природосообразности, т.е. соответствия естественному ходу развития человеческой природы. По мнению Дж. Локка, Ф. А. Дистервега и других ученых, знание воспитателем психологии и физиологии обеспечивает гармоничное развитие детей в разные возрастные периоды в процессе воспитания [5].

С середины XIX в. проблема комплексного воспитания человека с учетом единства законов развития природы и общества раскрывалась в трудах Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и многих других ученых по анатомии и физиологии, психологии и педагогике, гигиене и общей теории развития организма. Человек представлялся как целостный организм и общественный индивид одновременно [5; 8; 13].

С 20-х по 80-е гг. XX в. на основе данных физиологии и других дисциплин медицины активно развивались педагогическая антропология и педагогическая психология. Сочетание клинической диагностики с психолого-педагогической рассматривалось как условие успешной медицинской и педагогической практики. Из трудов таких ученых, как Л. С. Выготский, Р. А. Лурия и др., посвященных особенностям формирования личности в процессе воспитания и обучения, явственно следует, что эффективность этого процесса зависит от степени интеграции диагностических медицинских и психолого-педагогических знаний в антрополого-психологической подготовке педагога [3; 6].

Выдающиеся врачи внесли весомый вклад в развитие педагогической науки. Достаточно вспомнить великого врача и педагога Н. И. Пирогова, который был активным сторонником профилактического направления медицины и народного просвещения. Ему принадлежат знаменитые слова: «...будущее принадлежит медицине предохранительной». Ученый предвосхитил будущее: в современных социально-экономических условиях медико-педагогический подход, включающий превентивную деятельность по комплексному воспитанию и развитию личности, является актуальным и в здравоохранении, и в образовании. Идею о необходимости медико-педагогического образования с целью «охранения народного здоровья» Пирогов высказал в 1870 г. в статье «О трудах постоянной медицинской комиссии» Полтавского губернского земства, где утверждал, что «земской медицине придется бороться с невежеством народных масс и видоизменить целые мировоззрения...». В связи с этим он рекомендовал медицинскому сообществу установить тесный союз со школой и соединить образование фельдшеров с образованием учителей [8].

К. Д. Ушинский неоднократно проводил аналогии между педагогикой и медициной в деятельности врача и педагога: «Леча больного, доктор помогает природе; точно так же и наставник должен только помогать воспитаннику бороться с трудностями постижения того или другого предмета; не учить, а только помогать учиться» [13, с. 231].

В контексте интеграции педагогики и медицины большой интерес представляют научные взгляды В. М. Бехтерева, отличительная черта его научной концепции — антропологическая ориентация [5]. Бехтерев сумел подойти к исследуемому объекту «больной и здоровый человек» аналитически и в то же время комплексно, синтетически охватив разные стороны и уровни его состояния. Возврат к интеграции медицины с педагогикой, заложенный древними врачами, выразился в стремлении выдающихся ученых к целостному научному знанию о человеке и проявился в развитии антропологии, демографии, этнографии, социологии. Сложный синтез наук позво-

лил приступить к разработке принципов моделирования умственной деятельности и, как следствие, процесса обучения.

Подводя итоги, отметим, что среди исторически сложившихся известных направлений педагогики и медицины можно выделить следующие:

— деятельность врачей по изучению развития и воспитания человека;

— преподавание в системе медицинского образования, требующее высокого уровня психолого-педагогической компетентности;

— валеология в системе педагогического образования, которая не получила должного развития в России;

— деятельность врача-педагога — организатора здравоохранения — конструктор нового класса специалистов-превентологов, обладающих знаниями и умениями из области медицины, биологии, психологии и педагогики, социологии и менеджмента, права и информатики.

Таким образом, педагогика и медицина, опираясь на лучший опыт превентивной деятельности педагогов и врачей в обществе, в частности обучения здоровому образу жизни его членов, объективно объединяются с целью решения определенных жизненно важных задач в интересах индивида, отдельной группы или социума. Педагогическая теория и методология необходимы для построения медицинской теории и врачебной практики при новых принципах организации развития и укрепления здоровья.

Список литературы

1. Аронсон П. Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. №2. С. 13—26.

2. Брехман И. И. Валеология — наука о здоровье. М., 1990.

3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 2008.

4. Герасименко Н. Ф. Кризис здоровья и здравоохранения как угроза национальной безопасности страны // Аналитический вестник / Федеральное собрание. Парламент РФ. Государственная дума. М., 2001. Вып. 12. С. 2—12.

5. *История педагогики*: учеб. пособие для пед. учеб. зав. / под ред. А. И. Пискунова. М., 2003.
6. *Лурия Р. А.* Высшие корковые функции человека. СПб., 2008.
7. *Новая Бангкокская хартия по укреплению здоровья*, принятая для решения быстро меняющихся проблем глобального здравоохранения // Материалы 6-й глобальной конференции по укреплению здоровья. Таиланд, 2005.
8. *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М., 1985.
9. *Постановление* Правительства Калининградской области от 12.04.2007. № 173. «О развитии здравоохранения Калининградской области на период 2007—2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. *Рагимова О. А., Андреева Г. Ф.* Роль института образования в формировании культуры здоровья // III Всероссийский социологический конгресс: программа, тезисы докладов, публикации, организаторы. М., 2008.
11. *Резер Т. М.* Медико-педагогический подход к организации здоровьесберегающей деятельности // Педагогика. 2006. № 5. С. 29—37.
12. *Татарникова Л. Г.* Педагогическая валеология. Генезис. Тенденции развития. 2-е изд. СПб., 1997.
13. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / под ред. А. И. Пискунова. М., 1974. Т. 1.
14. *Демографический ежегодник России*: стат. сб. 2008. URL: <http://www.statrus.info/catalog/edition.jsp?id=1882&uid=22> (дата обращения: 09.09.2009).
15. *Концепция* развития здравоохранения и медицинской науки в Российской Федерации. URL: www.med-pravo.ru (дата обращения: 05.01.2008).
16. *Научно-практический конгресс «Здоровье нации и проблемы демографии»: отчет и итоговая резолюция*. М., 2008. URL: <http://www.znopr.ru> (дата обращения: 15.02.2008).
17. *Резер Т. М.* Медицина и педагогика на пути к интеграции. URL: <http://portalus.ru> (дата обращения: 05.06.2008).
18. *Россия в цифрах*. URL: <http://www.gks.ru/wps/portal/!ut/p/cmd/cs/ce/> (дата обращения: 08.09.2009).
19. *Социальное положение и уровень жизни населения России*: стат. сб. М., 2009. URL: <http://www.statrus.info/catalog/edition.jsp?id=2165&uid=22> (дата обращения: 10.09.2009).

Об авторе

С. И. Куликов — аспирант РГУ им. И. Канта.

УДК (373+377+378):353

И. Н. Симаева
А. В. Алимпиева
Н. В. Данилкина

**ОЦЕНКА ФАКТОРОВ
ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ
ОБУЧАЮЩИХСЯ
В УСЛОВИЯХ
ДОШКОЛЬНОГО И ОБЩЕГО
СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

жи. Современное поколение россиян значительно менее здорово, чем предыдущее [8; 11]. При этом из-за низкого уровня жизни, разрушения системы профилактического обследования, отдыха и оздоровления детей и молодежи, отсутствия возможностей для массовых занятий физкультурой и спортом прогнозируется дальнейшее ухудшение здоровья граждан, и прежде всего детей и молодежи [13, с. 3; 14].

По данным Госкомстата РФ, научных исследований в последние годы возросла заболеваемость детей и молодежи, увеличилось количество детей-инвалидов. Здоровье детей и подростков, которое является богатством нации, наиболее ярким показателем ее благосостояния, оказалось под угрозой [1; 9; 12].

На негативную динамику показателей здоровья населения накладываются специфические тенденции в развитии систем здравоохранения и образования, снижение эффективности выполнения функции социализации институтом семьи, что усугубляет ситуацию в сфере здоровья [4].

На современном этапе развития общества как в глобальном, так и в национальном масштабе остро встает вопрос о полноценном существовании, безопасности и состоянии здоровья человека. Особенно актуален он для нашей страны, что связано со спецификой социально-экономического развития России в последние десятилетия [6]. Трансформационные процессы российского социума сопровождаются ухудшением социального здоровья детей и молодежи.

Обозначенная актуальность проблемы сохранения здоровья у детей и молодежи обусловила необходимость дополнительных исследований, и в первую очередь выявления причин (факторов), провоцирующих нездоровье данной группы населения.

Ученые РГУ им. И. Канта провели серию экспертных интервью с представителями сфер здравоохранения и образования. В роли экспертов выступили медицинские работники (в том числе врачи-педиатры различных профилей), педагоги и менеджеры системы образования, психологи — всего приняло участие 20 компетентных специалистов. Приведем краткие результаты экспертного опроса и их интерпретацию.

Современное состояние здоровья детей, подростков и молодежи в нашей стране эксперты оценивают как: неудовлетворительное, «между удовлетворительным и неудовлетворительным» («относительно удовлетворительное»), среднее. Всеми экспертами отмечается тенденция к ухудшению здоровья: увеличение функциональных нарушений, которые могут перейти в хронические; рост терапевтических, урологических, гинекологических заболеваний, заболеваний органов пищеварения, эндокринной системы; отмечается общее ухудшение психического и социального здоровья, большое количество депрессий, тревожных расстройств, высокий процент психологической напряженности. В данной оценке медицинские работники опирались на многолетние наблюдения и статистические отчеты. По мнению экспертов, примерно у 75 % школьниц есть хронические заболевания различных внутренних органов, которые негативно влияют на репродуктивную функцию, и абсолютно здоровыми можно считать от 6 до 28 % школьниц. Причем за последние 5 лет заболеваемость повысилась примерно на 3 %. Приведем высказывания экспертов: «Если раньше среди заболеваний, характерных для детей, не было заболеваний, касающихся желудочно-кишечного тракта, то сейчас у детей 7—8 лет часто они наблюдаются»; «...на мой взгляд, состояние здоровья из поколения в поколение становится хуже, потому что если раньше детей из второй группы здоровья были единицы,

то сейчас практически вся группа детей имеет вторую группу здоровья. Редкий ребенок — с первой группой. Например, у меня в группе из 22 детей 80% — со второй группой здоровья, из них 32% часто болеющих детей».

Характерно, что практически каждый из опрошенных, оценивая общее состояние здоровья, располагает данными о негативной динамике функциональных нарушений и заболеваний в своей области (так, врач-отоларинголог отмечает рост числа проявлений гипертрофии небных миндалин, врожденных патологий заболеваний уха, горла и носа, большой процент по России и Калининградской области РФ детей с тугоухостью; окулист — рост количества врожденных и приобретенных заболеваний органов зрения, например воспалительных заболеваний глаз, невролог — рост невротических расстройств и т. д.). Отмечается снижение показателей физического здоровья (в частности, силы и выносливости) детей, поступающих в спортивные школы.

В целом эксперты отмечают, что практически на всех уровнях образовательной системы наносится вред здоровью обучающихся. Особенно это касается «переходных» этапов, сопровождающихся высокой психоэмоциональной нагрузкой: поступление ребенка в школу («первоклассники в первые свои недели испытывают нагрузку, в несколько раз превышающую нагрузку, которую испытывает космонавт в открытом космосе»), подготовка к ЕГЭ в старших классах, экзаменационные сессии в средних и высших учебных заведениях профессионального образования и т. п. Кроме того, в дошкольных образовательных учреждениях наблюдается тенденция к слишком раннему началу обучения, к которому большинство детей психологически не готовы.

Негативная динамика в состоянии здоровья молодежи связывается со следующими факторами:

Экологическими:

— загрязненность воды («в Калининграде очень плохая вода», выбросы вредных веществ в водоемы), воздуха («дым, загазованность, выхлопные выбросы»); «большую проблему

представляет проблема экологии, воздуха, которым мы дышим»); дефицит необходимых микроэлементов («недостаточное количество фтора в воде»);

— несоответствие продуктов питания экологическим требованиям (в частности, содержание ГМО и других вредных добавок);

— использование бытовых химикатов.

Социокультурными:

— повышенная тревожность и состояние хронического стресса вследствие отсутствия у многих уверенности в будущем, определенного рода социальных гарантий, весьма важной из которых является возможность трудоустройства;

— установка на достижение и постоянное повышение статуса (экономического, социального) («жесткая конкуренция, жесткий ориентир на достижения»; «ритм жизни просто выбивает многих из колеи... работать, работать, деньги зарабатывать») проникает и в образование: «амбициозные» родители и педагоги заставляют ребенка осваивать «новомодные» программы, чтобы быть более успешным, обладать преимуществами в конкурентной борьбе с другими. Это соперничество, соревновательность связаны, прежде всего, с материальными аспектами, духовные потребности оттесняются на периферию. Результатом является повышенная психологическая нагрузка, длительное состояние подавленности, что сказывается на соматическом состоянии как детей, так и взрослых. Характерно, что часть экспертов отмечают «успешность» ребенка или молодого человека как условие его социального здоровья. Это касается и шести-семилетних детей, только поступающих в школу, для которых важен «успешный старт» в школе;

— недостаточная осведомленность родителей о симптомах тех или иных заболеваний, что приводит к несвоевременному обращению к врачу;

— попустительство и халатное отношение к своим обязанностям со стороны медицинского персонала (на первом плане у таких медработников не человек, «не ребенок с его проблемами, а материальная заинтересованность»), они занимаются

«лечением анализов», а не сохранением и укреплением здоровья), нежелание повышать квалификацию.

Социально-психологическими:

— внешний локус контроля за состоянием своего здоровья («инфантилизм населения, то есть мы привыкли, что нас учат, лечат, заботятся...»); «мы вам даем продукт, вы с ним что-то сделайте, дадите нам результат, мы готовы платить»); невнимание к своему здоровью со стороны молодежи («молодежь собственное здоровье мало волнует»; «молодежь, да и не только молодежь, не склонна следить за своим здоровьем, не склонна себя беречь»);

— недостаточная осведомленность о проблемах здоровьесбережения, несформированность определенных поведенческих практик (коммуникативных, самосохранительных и др.) («если человек правильно образован, то его поведение как раз будет правильным, и он будет сознательно относиться к своему здоровью»);

— нивелировка ценности семьи и родительских ролей, вследствие чего — рост числа детей с эффектом «госпитализма»;

— низкая социальная ответственность родителей, которые по тем или иным причинам подвергают риску группы людей, отправляя детей с инфекционными заболеваниями в школы, детские сады;

— низкая социальная ответственность СМИ (телевидение, печатные издания): до детей доводится информация, которую они еще не могут воспринимать критически; нанесение СМИ ущерба имиджу медицинского работника;

— распространение вредных привычек, гиподинамия, несбалансированное питание и содержание в употребляемых в пищу продуктах вредных для здоровья веществ; раннее начало сексуальной жизни и высокая сексуальная активность подростков.

Социально-экономическими:

— низкий социально-экономический статус медицинских работников в государственных учреждениях;

— невысокий уровень доходов у большей части населения, что сказывается на качестве жизни семей.

Социально-экологическими:

— некачественная и нерегулярная уборка в учебных помещениях, несоблюдение норм в отношении подбора мебели (столы, стулья), освещенности; нарушения санитарно-гигиенических требований в столовых, туалетах; отсутствие в некоторых школах гардероба, раздевалок для смены одежды для занятий физкультурой;

— необорудованность спортивных площадок на территории школы либо несоответствие имеющихся требованиям безопасности;

— чрезмерная учебная нагрузка, не учитывающая индивидуальных особенностей детей, и неправильное ее распределение;

— избыточная нагрузка на учителей (в том числе бюрократическая); переполненность классов и школ;

— нарушение в учебном процессе режима питания и отдыха, двигательной активности;

— многочасовой просмотр телевизионных программ, длительное использование компьютера, мобильного телефона (игры), наушников, в том числе злоупотребление техническими средствами в учебных заведениях; нахождение в помещении школы, детского сада в ущерб прогулкам на свежем воздухе.

Социально-политическими:

— отказ от системы медицинской профилактики («мы в последнее время все-таки отошли от статуса профилактической медицины»);

— нарушение законодательства врачами («правовая сознательная и несознательная халатность тоже является большим фактором, который влияет на здоровье»), несовершенство нормативно-законодательной базы и недостаточная осведомленность населения о своих правах в сфере здравоохранения;

— внедряемые программы не всегда основываются на качественном мониторинге потребностей, специфике регионов,

школ, особенностей самих детей («все быстро внедряется, а потом уже в процессе пытаются ликвидировать недостатки... Это эксперимент над детьми. И часто выходит так, что больше получаем негатива, чем позитива от нашей программы»); нехватка профилактических государственных программ и недостаточная координация действий при исполнении существующих программ; отрицательное влияние «погони» за баллами, введения системы подушевого финансирования, косвенно стимулирующей «работу на оценки», «работу на успеваемость в ущерб человечности, гуманности в общении с детьми («дошкольные учреждения, школы переходят на самоокупаемость... воспитатель — это не коммерсант и педагог — не коммерсант. Он не должен зарабатывать себе очки, какие-то баллы, чтобы получить зарплату. Ему необходимо спокойно выполнять свою работу, не дергаясь, заниматься детьми, любить их, жалеть, читать им...»)).

Педагогическими:

— несоответствие между требованиями, предъявляемыми к ребенку, и собственным поведением родителей и учителей в отношении здоровья («в семье не принято завтракать, делать зарядку»; учителя на переменах курят на территории школы, употребляют спиртные напитки в учительских);

— попустительство со стороны родителей, занятых решением экономических проблем («ребенок, по большому счету, предоставлен сам себе»). В то же время, родители могут оказывать чрезмерное давление на ребенка, пытаясь «свои нереализованные способности реализовать в детях» («например, если я мечтала быть балериной, это не значит, что ребенок тоже хочет этого»).

Показательно замечание врача-генетика о том, что *фактор наследственности* не обязательно играет решающую роль в проявлении заболеваний (например, бактериальных). Напротив, даже при наличии генетической предрасположенности здоровый образ жизни, отсутствие вредных привычек могут предотвратить нарушения здоровья.

Эксперты выделяют важнейшие проблемы функционирования образовательной системы, негативно сказывающиеся на здоровье обучающихся, и дают рекомендации по их решению.

— Преодоление несогласованности деятельности систем образования и здравоохранения, привлекая к совместной работе педагогов, медиков и родителей. Ряд экспертов отводит родителям ведущую роль в сохранении и укреплении здоровья детей («Важна ответственность родителей, необходимо активно привлекать их к проблеме сохранения и укрепления здоровья их детей»). Также на всех уровнях образования многое зависит от руководителя образовательного учреждения, его активности, расстановки приоритетов, среди которых здоровье учащихся и педагогического коллектива должно быть на первом плане.

— Пропаганда здорового образа жизни начиная с детского сада, в частности половое просвещение, с учетом возрастных особенностей; формирование отношения к здоровью как к ценности, содействие распространению в обществе установки («моды») на здоровый образ жизни через систему спортивных секций, работу с семьями, активное сотрудничество со СМИ.

— Изучение педагогами индивидуальных особенностей детей («среднестатистического ученика не существует»).

— Правильное, равномерное распределение нагрузки, уменьшение ее объема, что позволит высвободить ребенку время для занятий по интересам; контроль за питанием и режимом физической активности в учебных заведениях.

— Организация качественного медико-психологического сопровождения в школах. Финансовые затруднения не должны быть причиной отказа от услуг медработника и психолога.

— Создание условий для занятий физкультурой и спортом детей из семей с любым уровнем достатка, решение проблемы доступности системы дополнительного образования в целом.

— Разработка необходимой правовой базы: ответственность должностных лиц за сохранение здоровья должна быть юридически закреплена.

— Подготовка программ здоровьесбережения на основе комплексных исследований, тщательной экспертизы. Программы должны учитывать специфику регионов, школ.

— Оценка динамики здоровья в школах, выработка качественных показателей работы школ и учителей по здоровьесбережению.

— Согласование программ дошкольного, школьного, профессионального образования, обеспечение их преемственности с целью сведения к минимуму негативного влияния перехода с одной ступени на другую.

В ходе экспертных интервью его участникам было предложено оценить значимость выделенных нами факторов охраны здоровья обучающихся по 10-балльной шкале, где 1 — совершенно не значимый фактор, 10 — очень значимый фактор.

По итогам опроса были выявлены центральные тенденции по каждому фактору, а также другие статистические показатели (стандартное отклонение, минимум и максимум, табл.).

Экспертные оценки факторов охраны здоровья обучающихся: статистические показатели

Факторы охраны здоровья обучающихся	M	σ	Me	Mo	Min	Max
Государственная политика в области охраны здоровья и образования	9,21	0,39	10	10	4	10
Правовое регулирование охраны здоровья обучающихся	7,57	0,64	10	10	1	10
Состояние материально-технической базы образовательных учреждений	8,33	0,44	10	10	5	10
Организация питания обучающихся	8,48	0,47	10	10	4	10
Медицинское обслуживание в образовательном учреждении	7,76	0,59	9	10	2	10
Условия для занятий обучающихся физкультурой	8,29	0,52	10	10	3	10
Модель идеального здорового (самосохранительного) поведения обучающегося, реализуемая в системе образования	8,38	0,39	9	10	4	10
Нормы и традиции здорового образа жизни, свойственные конкретным образовательным учреждениям	7,90	0,52	9	10	2	10

Окончание табл.

Факторы охраны здоровья обучающихся	M	σ	Me	Mo	Min	Max
Социокультурные образцы здорового поведения, транслируемые педагогами и организаторами образования	8,48	0,51	10	10	3	10
Программы пропаганды здорового образа жизни и профилактики нездоровья, реализуемые в образовательных учреждениях	7,38	0,64	8	10	2	10
Эргономические и санитарно-гигиенические требования к организации обучения и их выполнение / невыполнение образовательными учреждениями	8,24	0,44	9	10	4	10
Последствия внедрения технических средств обучения и новых информационных технологий в образовательный процесс	7,62	0,52	8	10	4	10
Представленность идей здоровья и здорового поведения в образовательных стандартах и программах	7,52	0,51	8	10	2	10
Уровень подготовки работников системы образования и его направленность на обеспечение здоровья и обучение здоровому (самоохранительному) поведению	7,86	0,54	9	10	2	10
Трудовая (учебная) нагрузка на школьника	8,43	0,50	10	10	1	10
Уровень психологического риска для развития личности в современном образовательном учреждении	8,50	0,37	9	10	5	10
Эмоциональное выгорание педагогов	8,29	0,51	9	10	1	10
Компетентность обучающихся в сфере здоровья	7,62	0,53	9	9	1	10
Представления обучающихся о здоровье	8,14	0,56	9	10	1	10
Высокая значимость здоровья в иерархии ценностей обучающихся	8,57	0,51	10	10	1	10
Мотивы и потребности в достижении здоровья у обучающихся	8,43	0,52	9	10	2	10
Установка обучающихся на здоровое поведение	8,81	0,49	10	10	2	10

Согласно результатам экспертного опроса, все предложенные к оценке факторы были оценены специалистами достаточно высоко: диапазон разброса средних составил от 7,38 до 9,21 балла по 10-балльной шкале. При этом модой (наиболее часто встречающимся значением) в большинстве случаев оказывалось 10 баллов.

Наибольший вес по среднему арифметическому значению получил фактор «государственная политика в области охраны здоровья и образования» (9,21). Практически все эксперты признали высокую значимость и особую роль государственной политики в деле охраны здоровья подрастающего поколения, выступающей своего рода фундаментальной предпосылкой решения проблемы здоровья. В то же время эксперты отметили, что на сегодняшний день целостной, адекватной масштабу и сути проблемы охраны здоровья в условиях современного российского социума, эффективной государственной политики в области здоровья детей, подростков и молодежи нет.

Вторым по значимости фактором охраны здоровья обучающихся экспертами была признана установка обучающихся на здоровое поведение (8,81), рассматриваемая в данном проекте в качестве одной из ключевых предпосылок самосохранительного поведения и, следовательно, сохранения здоровья человека.

Среди прочих факторов охраны здоровья обучающихся, получивших высокие оценки экспертов, можно выделить две группы. В одну из них попали индивидуальные факторы — высокая значимость здоровья в иерархии ценностей обучающихся (8,57), мотивы и потребности в достижении здоровья у обучающихся (8,43) и пр. Другая группа факторов — характеристики самой системы образования, которые, по мнению экспертов, скорее негативно влияют на здоровье детей и подростков. Это уровень психологического риска для развития личности в современном образовательном учреждении (8,50), социокультурные образцы здорового поведения, транслируемые педагогами и организаторами образования (8,48), организация питания обучающихся (8,48), трудовая (учебная) нагрузка на школьника (8,43), состояние материально-техниче-

ской базы образовательных учреждений (8,33), условия для занятий обучающихся физкультурой (8,29), эргономические и санитарно-гигиенические требования к организации обучения и их невыполнение образовательными учреждениями (8,24).

Таким образом, мнение экспертов подтверждает идею о значимости и индивидуального (внутреннего), и институционального механизмов здоровьесбережения, необходимости их совместного задействования в процессе охраны здоровья. Государственная политика в сфере охраны здоровья должна быть направлена на развитие у подрастающего поколения бережного отношения к здоровью и формирование навыков здорового образа жизни. Сообразно этому должна функционировать и система образования, в которой, с одной стороны, должны быть преодолены или минимизированы негативные воздействия на здоровье обучающегося, с другой — реализованы новые принципы охраны здоровья подрастающего поколения — через самосохранительную социализацию.

В целом диагностика системы факторов охраны здоровья обучающихся подтвердила вывод о противоречивой — на сегодняшний день — роли института образования в охране здоровья: с одной стороны, различные аспекты его жизнедеятельности действуют как факторы риска для здоровья подрастающего поколения, с другой — образование обладает потенциалом и технологиями для принятия и выполнения новой институциональной функции — охраны здоровья.

Список литературы

1. Герасименко Н. Ф. Кризис здоровья и здравоохранения как угроза национальной безопасности страны. М., 1998.
2. Демин А. К. Социальное маркетинговое исследование по вопросам образования в области здоровья и укрепления здоровья среди подростков в 10 городах России // Образование в области здоровья и укрепление здоровья среди детей, подростков и молодежи в России. М., 1999.
3. Доклад о мировом развитии 2008: Развитие и новое поколение / Всемирный банк. М., 2008.
4. Лисицын Ю. П. Здоровый образ жизни ребенка. М., 1984.

5. *Максимова Т.М.* Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М., 2002.
6. *Рагимова О.А.* Социальное здоровье младших школьников в условиях трансформации российского общества. Саратов, 2004.
7. *Рапопорт И.К.* Особенности заболеваемости школьников и учащихся профессиональных училищ при завершении образования // Гигиена и санитария. 2007. № 1. С. 67—70.
8. *Резер Т.М.* Абитуриент 2001 — физическое и психическое здоровье // Социологические исследования. 2001. № 11.
9. *Соломенцева Г.Б.* Здоровье детского населения как фактор национальной безопасности России: социологический аспект: дис. ... канд. социол. наук. М., 2003.
10. *Степанова М.И.* Гигиенические проблемы профильного обучения в старшей школе // Санитария и гигиена. 2007. № 4.
11. *Суворова А.В.* Комплексная оценка здоровья и работоспособности подростков, обучающихся по программе «школа — вуз»: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 1998.
12. *Текшева Л.М.* Гигиенические аспекты использования компьютерных средств обучения в системе общего образования // Гигиена и санитария. 2007. № 4.
13. *Укрепление здоровья детей школьного возраста: план действий по разработке региональных программ в России // Профилактика заболеваний и укрепление здоровья.* 2004. № 1.
14. *Этциони А.* Социоэкономика: дальнейшие шаги // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 1.
15. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение и понимание социальной реальности. М., 1998.

Об авторах

И. Н. Симаева — доктор психологических наук, зав. лабораторией развития систем образования, зав. кафедрой общей психологии РГУ им. И. Канта, руководитель проекта «Охрана здоровья как институциональная функция образования» в рамках РНП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 гг.).

А. В. Алимпиева — кандидат социологических наук, зав. лабораторией социологических исследований.

Н. В. Данилкина — аспирантка РГУ им. И. Канта.

ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 159.9:316.6

И. Н. Симаева

А. С. Зёлко

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ТЕНДЕНЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Постиндустриальное общество, к построению которого стремятся цивилизованные государства, будет основано на информации, знаниях и научных разработках. Данные приоритеты неизбежно приводят к тому, что наиболее ценными качествами работника становятся уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность. При этом определяющими являются теоретические знания, а глав-

ная структура — университет как место их производства и накопления [1; 8]. Этой тенденции можно было бы радоваться, если не учитывать угрозы, которые несет в себе информатизация и виртуализация общественных и межличностных отношений.

По мнению Ж. Бодрийяра, виртуализация в обществе — это трансформация цивилизации, суть которой состоит в том, что отношения между людьми принимают форму отношений между вещами, процесс создания и реализации ценностей превращает человека лишь в функциональный ресурс общества, а социальные институты — в «автономную реальность», ценности перестают быть аутентичной реальностью, социальные технологии превращаются в «знаки», замкнутые сами на себя [2].

Противостоять этой угрозе, на наш взгляд, способна интеграция и взаимопроникновение информатизации, виртуализации и холистического принципа познания ресурсов человека.

Холистическое (целостное) познание человека отражает наиболее прогрессивную тенденцию современной науки, в том числе психолого-педагогических исследований. Данный принцип предполагает проектирование образовательного процесса с учетом индивидуальных характеристик каждого обучаемого. Как известно, результат образования всегда относителен и определяется не только объективными условиями, но и возможностями обучаемого субъекта, ведь образование с процессуальной точки зрения есть «деятельность растущего человека в специально организованной среде, вызывающей его к мотивированной познавательной активности, насыщая новым, все более трудным, посильным учебным материалом» [6, с. 42].

Потенциал обучаемости индивида во многом зависит от его силы нервной системы. Проблемой зависимости успешности деятельности от выраженности у субъекта силы нервной системы занимался ученый Б. А. Вяткин, рассматривавший структуру различных видов деятельности, в том числе и учебной, на основе выделения в ней четырех сторон: системы внутренних условий, отражения субъектом внешних условий и требований деятельности, процессуальной и результативной сторон [6]. Его научные взгляды сформировались под влиянием школы В. С. Мерлина, последователи которого нашли подтверждение положения о системообразующей функции стиля деятельности по отношению к интегральной индивидуальности. Интегральная индивидуальность, по В. С. Мерлину, — это «целостная характеристика индивидуальных свойств человека» [7, с. 22].

Свойства интегральной индивидуальности отражаются также на динамике и результатах овладения учебным материалом и его подачей в различных формах отчетности. В частности, в условиях группового обучения, когда на выполнение заданий отводится ограниченное время, индивиды, быстро овла-

девающие материалом, оказываются в более выигрышном положении по сравнению с теми, у кого данный процесс занимает больше времени. Это свидетельствует о влиянии скоростных свойств нервной системы на быстроту овладения умениями и навыками. Так, обучающиеся с низкими качествами функциональной подвижности (лабильности) нервных процессов испытывают затруднения и отстают по сравнению с владельцами более высоких показателей лабильности. Более того, у последних, в связи с их способностью к быстрой перестройке к деятельности и высокой скорости обработки информации, легче формируется способность к скоростной работе продуктивного характера на сообразительность (основа креативности).

И хотя на сегодняшний день нет доказательств однозначной зависимости успешности обучения от силы-слабости нервной системы, поскольку у «сильных» проявляется большая активность и недостаточная осторожность, а у «слабых» — большая точность и одновременно большая эмоциональная напряженность в ситуациях новизны [6], однако влияние данного свойства на многозначные связи в структуре креативной деятельности несомненно.

Достаточно очевидно и влияние на динамику овладения новой информацией и ее успешность отношений личности, которые помимо косвенного влияния на динамику овладения учебным материалом оказывают и непосредственное воздействие на произвольное ускорение действий [7].

Также следует отметить, что при различных формах отчетности индивиды с разным типом нервной системы будут демонстрировать разные результаты. Это связано с тем, что оценочная ситуация вызывает у них неодинаковую степень эмоционального напряжения. Так, Е.П. Ильин отмечает, что при небольшой и средней степени психоэмоционального напряжения эффективность деятельности возрастает у всех людей, независимо от того, какие типологические особенности проявления свойств нервной системы им присущи [2]. Однако при большом напряжении быстрее ухудшается эффективность

деятельности у лиц со слабой нервной системой. Индивиды с высокой выраженностью силы нервных процессов проявляют большую устойчивость к значительному психоэмоциональному напряжению, тогда как при средней стрессогенности субъекты со слабой нервной системой демонстрируют высокую эффективность деятельности, иногда даже опережая лиц с сильной нервной системой. При дальнейшем увеличении интенсивности деятельности, повышении значимости результата происходит снижение эффективности деятельности у лиц со слабой нервной системой. В то же время у представителей сильного типа в подобных условиях мобилизуются ресурсы и как ее следствие — рост результативности.

При исследовании другого свойства нейродинамики — инертности-подвижности, — Е. М. Борисова [3] и другие ученые доказали, что субъекты с подвижностью нервных процессов отличаются высокой работоспособностью в напряженных условиях. Лица с инертностью характеризуются пониженной активностью, высокой тревожностью, замкнутостью, срывами в деятельности.

В целом можно утверждать, что в большинстве экстремальных видов деятельности, насыщенных неожиданными, сверхсложными, низкостереотипными задачами, успех сопутствует лицам с сильной, подвижной и уравновешенной нервной системой, обеспечивающей высокую устойчивость к возникновению стресса. Это положение относится к образовательному процессу, где присутствуют стрессогены, в которых результативность опосредуется личностными характеристиками субъекта деятельности.

Исследования Б. А. Вяткина о связи фактора антиципации угрозы с силой нервной системы вместе с изучением фактора трудности показали, что лица со слабым типом нервной системы меньше уверены в успехе. У них возникает тревога, связанная с приближающимся наказанием за возможный неуспех в выполнении задания. Следовательно, лица со слабой нервной системой более проницаемы к возникающей угрозе и поэтому могут хуже проявить себя в ситуации оценки или экспертизы [6].

Возникает вопрос: почему одна и та же ситуация угрожает «слабым» больше, чем «сильным»? Это зависит от ряда психологических особенностей, обусловленных полярным проявлением параметра «сила — слабость» нервной системы. Присущая слабому типу повышенная тревожность, робость, низкая самооценка, неуверенность в своих силах способствуют возникновению опасения за успех своих действий, определяют восприятие предстоящей ситуации как угрожающей их социальному благополучию, что и ведет к возникновению определенного психического состояния и понижает функциональный уровень.

Таким образом, потенциал обучаемости и креативности индивидов, характеризующихся различной степенью выраженности силы, подвижности и лабильности нервной системы, обусловлен типичными особенностями в исполнительных возможностях и контрольных действиях, а также характерными соотношениями ориентировочного и исполнительского компонентов, которые задействованы на различных этапах образовательного процесса и креативной деятельности.

Конечно, вышеперечисленные корреляции не исчерпывают многозначные связи в структуре личности, указанный потенциал связан не только со свойствами нервной системы, но и с личностными качествами индивидов, то есть с разноразмерными свойствами интегральной индивидуальности.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
2. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2003.
3. Борисова Е.М. Индивидуальное своеобразие становления профессионала // Психологические вопросы становления профессионала. М., 1976. Вып. 2. С. 6—17.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. СПб., 2001.
5. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.

6. *Интегральная индивидуальность человека и ее развитие* / под ред. Б. А. Вяткина. М., 1999.
7. *Мерлин В. С. Психология индивидуальности: избр. психол. тр.* / под ред. А. Е. Климова. М.; Воронеж, 2005.
8. *Тоффлер Э. Третья волна*. М., 2004.

Об авторах

И. Н. Симаева — доктор психологических наук, декан факультета психологии и социальной работы, заведующая кафедрой общей психологии РГУ им. И. Канта.

А. С. Зёлко — аспирант кафедры общей психологии факультета психологии и социальной работы РГУ им. И. Канта.

УДК (373+377+378):353

А. Н. Павлова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Образование традиционно является сферой, удовлетворяющей общественные и частные интересы. В процессе культурно-исторического развития нашей страны понимание и подходы к роли тех или иных интересов в образовании заметно трансформировались, поэтому образование как процесс взаимодействия между специфическими субъектами с определенными целями выступает предметом исследования педагогики, экономики, социальной философии, юриспруденции и других наук.

Несмотря на некоторые различия в научных взглядах, образование, призванное осуществлять передачу знаний от одного поколения к другому, и социологами и учеными-педагогами традиционно признается основным социальным институтом, поскольку обладает всеми его признаками. Первый из та-

ких признаков — устойчивая потребность общества, государства и личности в образовании. Общество при помощи образования сохраняет и передает достижения своей культуры, науки, техники, литературы и искусства от поколения к поколению. Индивид с помощью образования усваивает действующие в обществе социальные нормы, развивает свои способности и реализует их в какой-либо сфере социального бытия. Для государства образование выступает эффективным средством подготовки профессиональных кадров.

Другим существенным признаком образования как социального института является разработка средств, необходимых для реализации гражданином своего права на образование: законодательной базы, сети учебных учреждений, оснащенных и оборудованных для ведения учебного процесса, а также контроля над ними со стороны государства в лице органов управления образованием (лицензия, аккредитация и проч.).

Как и другие социальные институты, образование нуждается в обеспечении необходимыми ресурсами (финансовыми, материальными), которые общество должно постоянно пополнять. Согласно закону РФ «Об образовании» Правительство ежегодно выделяет финансовые средства на образование, которые направляются для приобретения необходимого оборудования, учебников, на ремонт здания, заработную плату преподавателям, стипендии студентам, а также обеспечивает социальные льготы в сфере образования (третий признак).

Наконец, признаком образования как социального института выступает особая культурная среда, необходимая для обеспечения самопроизводства института, т.е. формируются определенные правила поведения, которые отличают людей, принадлежащих этому институту.

Существенные изменения в регулировании сферы образования произошли с принятием в 1992 г. Закона об образовании. Важнейшая область социальной сферы общества получила новый виток своего развития, связанный прежде всего с введением новых, неизвестных ранее образованию институциональных элементов, таких, как предоставление обучаю-

щимся права получать общее и профессиональное образование не только на бюджетной, но и на платной основе, возможности организации и функционирования негосударственных образовательных организаций. Это повлекло внедрение не только новых инструментов осуществления образовательной деятельности, но и обусловленного этим появлением новых категорий и понятий. Одним из таковых стала образовательная услуга.

Введенная названным Законом как вид платной образовательной деятельности, рассматривавшийся скорее как исключение в деятельности образовательного учреждения, обусловленное недостаточным его бюджетным финансированием, образовательная услуга постепенно приобрела все более широкое смысловое значение. Сегодня исследователи все чаще исходят не из буквального содержания данного понятия, закрепленного законодательством, а придают ему более объемное звучание, рассматривая образовательные услуги не просто как вид образовательной деятельности платного характера, а как ее основное содержательное наполнение. Вместе с тем отсутствие четкого легального определения образовательной услуги в Законе об образовании предопределяет появление в литературе широкой дискуссии о ее содержании.

Некоторые ученые придерживаются узкого подхода в определении образовательных услуг, утверждая, что поскольку Закон об образовании проводит границу между деятельностью образовательного учреждения и оказываемыми им платными дополнительными услугами, то и отнести к сфере образовательных услуг образование, получаемое в рамках образовательных стандартов даже на платной основе, не представляется возможным. Возмездность рассматривается ими как важнейший критерий определения образовательной услуги. Следствием данной позиции является вытеснение в платной образовательной сфере самого понятия «образование» и подмена его понятием «образовательные услуги» как более точно отражающим характер регулируемых отношений. Подобная точка зрения исходит из различной природы отношений по обучению и воспитанию, возникающих на возмездной и безвозмезд-

ной основе, и характерна для юристов. По их мнению, образование, получаемое за счет бюджетных средств, и образование, получаемое на возмездной основе, регулируются нормами различных отраслей права [3; 4; 9].

Еще более узкое понятие образовательных услуг рассматривает «деятельность, превышающую государственный образовательный стандарт и носящую дополнительный характер в непрофильном образовательном учреждении» [8].

Между тем в Европе многие ученые вполне обоснованно отклоняют чисто рыночный подход в образовании, так как общедоступность и равенство шансов в образовании являются такими ценностями, от которых никто не желает отказываться. Особо тщательно анализируется понятие товара или услуги в применении к образованию, а также идея школы как предприятия. Так, Ян де Грооф, проанализировав понятия «образовательные услуги» и «образование», пришел к выводу, что между ними существует четкое разграничение. В частности, он объясняет это тем, что в законе «Об образовании» понятие «образование» раскрывается «как процесс развития личности, общественного воспитания и профессионального обучения». При этом образовательным услугам отводится второстепенная роль, поскольку в соответствии с Законом об образовании они могут оказываться образовательным учреждением только «за пределами определяющих его статус образовательных программ» [12].

Такой подход к определению образовательных услуг основывается на буквальном толковании законодательных положений. Действительно, образовательное законодательство рассматривает образовательные услуги как вид социально-экономических благ, который требует для своего производства и потребления определенных экономических затрат и соответствующего возмещения.

Анализ Закона об образовании подтверждает точку зрения о довольно узком понимании образовательных услуг как услуг платных. При этом термин «услуга» регламентируется только в рамках дополнительных образовательных услуг (ст. 45). За-

кон закрепляет нормы о разных формах предоставления образования на платной основе. Во-первых, государственные образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования, помимо финансируемых за счет средств учредителя заданий (контрольных цифр) по приему обучающихся, имеют право осуществлять подготовку и переподготовку рабочих, служащих и специалистов по договорам с физическими и юридическими лицами с оплатой ими стоимости обучения (п. 8 ст. 41). В данном случае речь идет о возможности получения профессионального образования на платной основе в пределах содержания государственных образовательных стандартов. Во-вторых, наряду с государственными и муниципальными образовательными учреждениями право взимать плату за оказание образовательных услуг в рамках содержания образовательных стандартов получили негосударственные образовательные организации всех видов и типов, так как подобные доходы для них являются основным источником финансирования (ст. 46). В-третьих, согласно закону Российской Федерации «Об образовании» любые государственные и муниципальные образовательные учреждения, негосударственные образовательные организации вправе оказывать населению, предприятиям, учреждениям и организациям платные образовательные услуги за пределами содержания государственных образовательных стандартов и соответствующих образовательных программ.

Положительным моментом введения понятия «образовательные услуги» в развитие образовательного законодательства послужило то, что это позволило узаконить платные формы образования и расширить тем самым возможности финансирования государственных и муниципальных образовательных учреждений. Появились условия для активного использования гражданско-правовых форм регулирования образовательных отношений, основанных на договорных обязательствах возмездного оказания образовательных услуг. Кроме того, появление платного образования расширило возможности обучающегося при выборе форм обучения, соответствующих его

желаниям и интересам, что в немалой степени способствует развитию конкуренции услуг в сфере образования и повышению качества образования. Исходя из этого в литературе распространено мнение, что платность (возмездность) деятельности в сфере образования стала ключевым признаком разграничения образовательных услуг и основой (бесплатной) образовательной деятельности.

На наш взгляд, подобная трактовка образовательных услуг в целом не вступает в противоречие с другой достаточно распространенной позицией, в рамках которой подчеркивается возмездный характер любой бесплатной для граждан деятельности государства (в лице его органов и учреждений). Применительно к образовательным отношениям предполагается, что в процессе передачи знаний, умений, навыков платность со стороны потребителя образовательных услуг присутствует всегда и при государственном, и при частном финансировании этих услуг. Другое дело, что объемы финансовой нагрузки между потребителями сильно различаются (максимальный он у тех, кто и платит налоги, и оплачивает свое образование), но это уже зависит от системы предпочтений (способности, дохода семьи, место жительства, национальность и др.), выработанной данным обществом для наиболее эффективного финансирования общественных средств [2; 4].

Однако последняя позиция не учитывает несколько обстоятельств. Во-первых, возмездность услуг и товара предполагает уплату потребителем (покупателем) всей определенной стоимости товара. Однако при налогообложении граждан используются иные принципы, и размер налога не связывается со стоимостью бесплатно потребляемых общественных благ, более того, бесплатные блага получают и граждане, либо не уплачивающие этот налог, либо уплачивающие его в минимальном размере. Во-вторых, отсутствует конкретная связь между уплатой налогов и потреблением общественных благ, поскольку в эти отношения вмешивается государство, которое, используя механизм аккумуляции денежных средств, перераспределяет общественные блага между всеми нуждающимися в них.

Кроме того, вряд ли было бы правильным рассматривать отношения в сфере образования исключительно с экономической точки зрения. Данные отношения имеют широкую личностную составляющую, весомую общественную значимость и не могут быть сведены только к товарно-рыночным отношениям. Тем более что прямой зависимости между уплатой налогов и получением бесплатного образования не наблюдается: лицу, не уплачивающему своевременно и в установленных объемах налоги, не может быть отказано в оказании образовательных услуг в объеме, гарантированном Конституцией РФ. Да и по своей себестоимости образовательная деятельность, оказываемая тому или иному лицу, не может быть сопоставима с тем объемом налоговых выплат, которые оно выплачивает. Аналогия с гражданско-правовыми услугами, осуществляемыми по принципу «факт оказания услуги — оплата» не может быть распространена на все без исключения (платные, бесплатные) образовательные услуги.

Еще одна точка зрения базируется на правоотношениях, возникающих в образовательном процессе. В таком случае вся деятельность образовательных учреждений рассматривается как набор образовательных услуг, которые могут оказываться либо за счет бюджетных средств, либо за счет средств потребителей этих услуг или которые могут быть оплачены третьими лицами [9; 11]. Мы полагаем, что такой подход также не учитывает всей специфики образовательной деятельности и отношений, возникающих в сфере образования, которая не может быть рассмотрена исключительно через призму гражданско-правовых методов.

Выявленное разнообразие подходов к соотношению явлений «образовательная деятельность» и «образовательные услуги» требует обращения к сущности самого явления по оказанию услуг. Обычно под услугой понимаются действия, приносящие пользу другому, оказание ему помощи [7]. Заметим, что изначально в смысл данного понятия не вкладывался возмездный характер таких действий. Их главная цель — удовлетворение какой-либо потребности, причем сиюминутность

достижения желаемого результата не ставится во главу угла; упор сделан на ценность и содержание самих действий.

На протяжении многих лет понятие «услуга» исследуется экономической наукой в рамках маркетинга услуг, но до сих пор единого понятия, способного охватить все многообразие данного явления, не выработано. Вместе с тем экономической наукой были сформулированы основные признаки данного понятия, его ключевые составляющие, которые с успехом были заимствованы педагогической наукой. К их числу относят: неосвязаемость, неотделимость от источника, неразрывность производства и потребления услуги; неоднородность или изменчивость качества; неспособность услуг к хранению, взаимозаменяемость услуг товарами, отсутствие количественных характеристик услуг, опосредованное измерение их качества, невозможность транспортировки, отсутствие гарантий, целостность, многократность использования, сложность, невозможность оценки ожидаемого личного эффекта от услуги потребителем и т. д. [8].

В советский период в науке были сформированы две основные позиции по вопросу о сущности услуг: одни ученые рассматривали услуги как саму деятельность, специфическую форму труда, а другие под ними понимали результат труда, полезный эффект деятельности [3; 5; 9]. Такая неоднозначность в терминологическом толковании услуг сохранилась. Еще один подход к определению услуги основывается на восприятии услуги как совокупности деятельности и результата. В соответствии с таким подходом результат не имеет материального воплощения и вместе с действиями, предшествующими ему, составляет единое целое. Поэтому при оказании услуги «продается» не сам результат, а действия, к нему приведшие [11].

Это позволяет рассматривать образовательные услуги не только как платную деятельность образовательных учреждений и частных лиц на основе договора возмездного оказания услуг, но и как совокупность образовательных отношений, вступая в которые гражданин преследует цель удовлетворения

собственных потребностей посредством освоения особой группы нематериальных благ — знаний, умений, навыков и т. п.

Таким образом, в понятие «образовательные услуги» включается вся образовательная деятельность, часть из которой представляет собой социальные образовательные услуги (они бесплатны, обязательны для получения), а другая часть — возмездные образовательные услуги, которые базируются на нормах и принципах ГК РФ. Вместе с тем было бы несправедливым отождествлять понятия «образовательные услуги» и «образовательная деятельность», так как, на наш взгляд, второе понятие шире первого и включает в себя не только действия обучающего характера, но и действия по организации образовательного процесса. Как элемент образовательной деятельности, образовательные услуги имеют особые цели и субъективный состав. Цель образовательных услуг — передача знаний, умений, формирование профессиональных навыков и освоение их обучающимся. Субъектами образовательных услуг являются образовательные учреждения в лице преподавательского состава и обучающиеся, желающие получить образование того или иного уровня.

Образовательным услугам присущи те основные свойства, которые характеризуют услуги в целом:

- нематериальный характер, поскольку они не существуют в овеществленной форме, основаны на информационном общении, а результат услуг может быть проверен только посредством практического применения полученных знаний;
- неотделимость от источника (обучающийся может потребить услугу только непосредственно сам);
- неразрывность производства и потребления, так как оказание услуги и ее потребление являются одновременными процессами;
- изменчивость качества образовательной услуги обусловлена участием в образовательной деятельности множества переменных факторов (качества образовательных программ, организации образовательного процесса, материальных ресурсов и др.);

- несохраняемость образовательной услуги обусловлена как ее нематериальной формой, так и постоянно меняющимися условиями жизнедеятельности. Знания довольно быстро теряют свою актуальность, требуют постоянного развития и совершенствования;

- адресность образовательной услуги обусловлена тем, что разного рода образовательные услуги обращены к разному кругу лиц, отличающихся возрастными, профессиональными и иными характеристиками.

Однако им присуще и специфическое свойство — принудительный характер образовательных услуг. Согласно Конституции РФ каждый гражданин обязан получить основное общее образование (ст. 43). При этом государственные органы и органы местного самоуправления должны предоставить возможность получения детьми такого образования, а на родителей или лиц, их заменяющих, возлагается обязанность в обеспечении своим детям основного общего образования.

Резюмируя сказанное, приходим к выводу, что образовательные услуги на самом деле не ограничиваются только платной сферой, как это предусмотрено российским законодательством. Сущность образовательных услуг не может быть сведена только к коммерческой составляющей. Образовательные услуги следует определять более широко как услуги, характеризующие отношения между образовательными учреждениями (организациями), с одной стороны, и гражданами — с другой, для удовлетворения последними потребностей в образовании.

Список литературы

1. *Административная реформа в России: науч.-практ. пособие* / под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М., 2006. С. 280.
2. *Бьюкер Д.* Сочинения. М., 1997. С. 560.
3. *Касьянов Г. Д.* Экономическая природа услуг и их потребление при социализме: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Киев, 1975.
4. *Зултакаров К. З.* К вопросу о категории услуги. Фрунзе, 1978.

5. *Софина Т. Н.* Сфера услуг: трансформации в рыночной экономике. СПб., 1999.
6. *Куров С. В.* Образовательные услуги: гражданско-правовой аспект. М., 1999. С. 40—41.
7. *Майбуров И. А.* Соотношение понятий «образование» и «образовательные услуги» // Право и образование. 2003. №5. С. 40.
8. *Николаева М. А.* Маркетинг товаров и услуг: учебник. М., 2001. С. 147—148.
9. *Попов Е.* Услуги образования и рынок // РЭЖ. 1992. №6. С. 43.
10. *Рожков А. И.* Образовательные услуги как объект гражданских прав: проблемы правового определения // Право и образование. 2007. №7.
11. *Сырых В. М.* Введение в теорию образовательного права. М., 2002. С. 35.
12. *Jan De Groof, Gracienne Lauwers, Vladimir M. Filippov (eds.).* Adequate Education Law for Modern Russia. Leuven/Apeldoorn, Garant, 2001. P. 26.

Об авторе

А. Н. Павлова — соискатель РГУ им. И. Канта.

УДК (373+377+378):353

М. И. Короткевич

С. Н. Юрьева

**ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА**

Образование традиционно играет значимую роль в организации общества, поскольку выполняет социокультурную, социализирующую, воспитательную и просветительскую функции, которые должны взаимно дополнять друг друга. Сегодня становится особенно очевидной роль образования в социальной стратификации — распределении членов общества в соответствии

со способностями и возможностями успешного выполнения ими своих социальных функций. Поэтому школа, наряду с другими социальными институтами, по словам П. Сорокина, является одновременно «каналом вертикальной циркуляции», способствующим продвижению вверх или спуску вниз по социальной «лестнице», и своеобразным «ситом», которое «просеивает» индивидов и определяет им то или иное место в обществе [8].

Из этого следует, что системные дефекты в школьном обучении неизбежно сказываются на всем обществе и, напротив, успешное функционирование школы в составе образования как социального института приводит общество к благоденствию и процветанию. Речь идет не только об участии полного среднего образования как элемента социального института в процессе зарождения новых социальных слоев, но и в производстве новых социокультурных образцов поведения, новой системы ценностей.

Так, одной из ведущих жизненных стратегий молодежи в современных рыночных условиях становится ориентация на успех в жизни. Данный феномен активизирует инновационную функцию школьного образования, которая все зримее становится в информационном обществе, что связано с потребностью внедрения новых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества. Отсюда реагирование образования в виде появления нового типа образовательных учреждений, новых образовательных программ, расширения платных услуг [9].

Социальная функция инновационных образовательных учреждений и форм обучения проявляется в том, что их появление в средней школе способно решить проблему уменьшения образовательного неравенства, выраженного в сужении доступа к качественному образованию, в существующем механизме отбора учащихся в зависимости от уровня успеваемости. Можно согласиться с утверждением относительно того, что социальное неравенство в исходном пункте дано только частично и, как показывает практика, развивается внутри школь-

ной системы и с ее помощью. Уменьшению неравенства шансов служит все то, что позволяет ограничить установленный школьный порядок в пользу активного обучения, когда ребенок выступает не только школьником, а индивидом, признанным во множестве его социальных ролей, включая занимаемое им в классе место [9].

Все вышеназванные функции школы в единстве придают социуму определенную устойчивость и одновременно возможность развития при условии соблюдения разумного баланса функций, реализация которых удовлетворяла бы, с одной стороны, потребности государства в образованных гражданах, а с другой — потребности индивидов в культурном развитии, а также в наличии формального образования (аттестата) в качестве средства решения жизненно важных проблем. Таким образом, выполнение школой своей миссии позволяет не только избегать роста социальной напряженности в обществе и согласования интересов государства, общества и каждого отдельного человека, но и накапливать и развивать человеческий капитал — один из основных ресурсов экономической системы.

Сегодня очевиден переход ведущих стран к новому этапу формирования инновационного общества — построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям, высокая квалификация становятся ведущим производственным ресурсом. Инвестиции в интеллектуальный человеческий капитал превращаются в наиболее эффективный способ размещения ресурсов. Нематериальные активы занимают все большую долю в средствах компаний. Однако не только на уровне отдельного производства или корпорации, но и в национальном масштабе человеческий фактор не имеет себе равных. Именно от человека, его труда в наибольшей мере зависит конкурентоспособность любой страны [3; 5; 6].

Трактовка образования исключительно как средства расширенного воспроизводства человеческого капитала приводит

к тому, что человек рассматривается как ресурс развития экономической системы. Это вызывает смещение направленности образования в сторону получения, прежде всего, прикладных знаний, навыков и умений. Данный тезис подтверждают результаты опроса, проведенного агентством «РейтОР»: 57,8% респондентов необходимым для карьеры считают обладание практическими навыками и умениями; 26,8% — специальной теоретической подготовкой; остальные качества, по их мнению, малозначимы. Сходная позиция — у работодателей. Таким образом, очевиден общественный консенсус в отношении образования, которое можно определить как проявление экономического детерминизма, характерного для индустриально-го общества [5; 9].

Однако человечество движется к информационному обществу. На протяжении последних 20 лет с появлением глобальных информационных сетей, средств телекоммуникаций и Интернета происходит активное формирование «новой экономики»: стратегическое развитие национальных экономик, включая российскую, неразрывно связано с этим трендом. В условиях нарастания международной конкуренции за интеллектуальные ресурсы будущее нашей страны в целом и региона в частности в значительной степени зависит от того, сможем ли мы создать условия для развития образования, в том числе школьного, и превратить знания в фактор экономического прогресса.

Благодаря теории человеческого капитала вложения в человека стали рассматриваться как источник экономического роста, не менее важный, чем «обычные» капиталовложения. Т. Шульц, Э. Денисон, Дж. Кендрик и ряд других исследователей произвели количественную оценку вклада образования в экономический рост. Было установлено, что на протяжении XX в. накопление человеческого капитала опережало темпы накопления физического капитала [10—12]. Так, Э. Денисон, проанализировав экономический рост США за 1929—1982 гг., сделал вывод, что определяющим фактором повышения производительности труда является образование. По его расчетам,

прирост душевого дохода в США в течение послевоенного периода на 15—30% был обусловлен повышением образовательного уровня рабочей силы. Опыт таких стран, как Гонконг, Сингапур, Южная Корея, подтверждает, что ставка на инвестиции в образование и здравоохранение, в создание конкурентоспособного человеческого капитала наиболее эффективная стратегия экономического развития государства [10].

Это означает, что конкурентоспособность в XXI в. все в большей мере предъявляет требования к человеческому капиталу и факторам, его определяющим. В свете сказанного обозначилась острейшая проблема: адаптационные возможности отечественной системы образования в настоящее время не соответствуют темпу преобразований в экономике, прежде всего динамике конъюнктуры спроса на те или иные кадры. Дело в том, что в производстве увеличивается доля наукоемкой «концептуальной» продукции в результате внедрения передовых информационных технологий. Причем тенденции к постоянному увеличению доли наукоемкого продукта в общем объеме производства и, следовательно, тенденции роста спроса на квалифицированную рабочую силу, обладающую навыками концептуального мышления, будут сохраняться [3; 4]. Экономический механизм создания конкурентоспособности сегодня связан с поиском преимуществ, отвечающих логике глобализации, которая основывается на закономерности: то, что доступно каждому, не может быть источником устойчивого конкурентного преимущества. Главной чертой формирующейся «новой экономики» в широком смысле признан феномен резкого повышения темпов роста производительности труда и многофакторной производительности. Основа «новой экономики» — «создаваемые ресурсы», базирующиеся на процессах обучения. Растущее научно-техническое вооружение человека не столько привязывает его к соответствующему оборудованию, сколько делает его все больше творческой фигурой, выделяющейся среди прочих факторов производства [4; 6].

В данных условиях стратегически важно верно оценивать человеческий потенциал и определять технологии его разви-

тия и использования. Если в индустриальном мире сильные конкурентоспособные позиции базируются на присвоении уникальных ресурсов, то конкурентоспособность в обществе, основанном на знаниях, зависит от способности человека строить свою собственную компетентность, свое собственное знание, основанное на согласованном взаимодействии между ресурсами, которые находятся в свободном доступе на рынке. При этом инвестирование значительных средств в его формирование становится необходимым, но отнюдь не недостаточным условием современного развития [5].

Таким образом, к началу XXI в. в полной мере проявилась глубокая зависимость современной цивилизации от массового образования, которое вместе с культурой «штампует» содержание и уровень развития познавательной сферы, а также установки взаимодействия с окружающим миром у целых поколений и отдельных социальных групп.

Современная модель массового школьного образования в России долгие годы была достаточно эффективной для миллионов людей. Обладая определенной устойчивостью, она и в пору общественной трансформации, казалось бы, вполне справляется с возникающими вызовами. Почему же реформы образования предпринимаются одна за другой, оставляя неудовлетворенными то значительную часть населения, то самих организаторов образовательного процесса? Скорее всего потому, что не оправдываются главные ожидания, связанные с образованием: аттестат о полном среднем образовании в нашей стране перестал быть «поплавком», помогающим выплыть на поверхность социума и обеспечить его обладателю достойное качество жизни, в то время как родители смотрят на образование как на способ подготовить своих детей к жизни в будущем [7].

Это требует от руководства образовательным учреждением активных действий, чтобы не отстать от перемен. И действительно, директора и учителя (порой при недостатке ресурсов) пытаются создавать новое, пристраивая его к уже устоявшемуся, стабильному и хорошо знакомому: создают современ-

ные компьютерные классы, открывают телевизионные и радиостудии, осваивают прочие технические новшества. Внедряют инновационные программы различного характера и содержания, большинство из которых разработаны солидными организациями в других городах. Отдельная забота — о и профильном обучении, которое должно помочь школьнику как можно быстрее выбрать направление будущего профессионального развития.

Анализируя фронт различных нововведений, которыми отчитываются школы, поневоле задаешься вопросом: «Зачем? Какова цель? Чего хотел добиться педагогический коллектив? Каков будет эффект от этих нововведений в недалеком будущем и в отдаленной перспективе? Что получит от них учащийся — главный субъект образовательного процесса и что приобретет в итоге общество, рынок труда? Будет ли приемлемым новшество для данного контингента школьников? Какими средствами и какой ценой школа будет решать поставленные задачи?»

Понятно, что на поиски ответа на подобные рефлексивные вопросы у администрации муниципального образовательного учреждения — школы нет ни времени, ни сил, ни ресурсов. Между тем без подобного анализа все новшества приобретают характер попыток слепого копирования чьих-то успехов и достижений, тогда как универсальных рецептов успешного развития образовательных учреждений не существует. Думается, что разработка стратегических целей и задач должна осуществляться специалистами, которые, с одной стороны, знакомы со спецификой данной школы, а с другой — не погружены в ее внутренние проблемы. Контролировать и оценивать перспективы перемен стратегического характера входит в функции регионального министерства образования [7].

В частности, план стратегических преобразований, в которых нуждается школа на современном этапе своего функционирования, должен базироваться на определении миссии каждого образовательного учреждения в своем регионе, городе, районе, затем — на логично вытекающей из миссии концеп-

ции развития и разработанной в русле концептуальных основ стратегии развития среднего образования в данном конкретном социокультурном контексте [2].

Одной из наиболее перспективных представляется стратегия системно-институциональных преобразований. Она направлена на обеспечение выживаемости на природном, социальном, духовном уровнях, создание условий для развития человеческого капитала и экономического потенциала регионального социума и выделяет приоритетом упреждающее развитие личности как функцию школьного образования. Предлагаемая стратегия развития и реализации среднего образования строится на таких ведущих принципах, как антиципация (упреждение), партисипация (соучастие), интеракция (взаимодействие), преактивное и интерактивное планирование, саморегуляция, открытость.

Стратегия системно-институциональных преобразований предполагает, в частности, системное и целостное планирование развития специфики полного среднего образования в регионе на основе прогнозирования социально-экономических трансформаций; активное взаимодействие в реализации, планировании и контроле всех субъектов образования; создание новых ресурсов за счет интеллектуальных технологий; учет экономической и демографической специфики развития региона как фактора стратегии развития; определение ответственности субъектов регионального образования (финансовой, за качество и т. д.); мониторинг реализации функций образования по объективным системным показателям (к примеру, доступность образования, коэффициент использования ресурсов образовательными учреждениями) и модульный принцип организации обучения (непрерывность).

Сторонники этой стратегии ставят целью создание единого регионального развивающего образовательного пространства, которое будет способствовать максимальному развитию социально активной, творческой личности; гарантировать достижение уровня социальной зрелости, достаточного для обеспечения самореализации личности.

В случае выбора данной стратегии для развития среднего образования в регионе обеспечивается возможность долгосрочной превенции качественного запроса общества и экономики на образование; стойкий эффект результатов развития, отсутствие кризисов развития системы образования. А главное — обеспечивается соответствие содержания образования на всех его уровнях специфике социально-экономической и образовательной ситуации в регионе.

Не вызывает сомнений то, что разработка и реализация стратегии системно-институциональных преобразований предъявляет высокие требования к структуре и уровню квалификации управленческих и педагогических кадров. Кроме того, к разработке такой стратегии необходимо привлекать субъектов разного уровня и степени влияния на образование, с разными интересами и взглядами на перспективы развития системы образования региона. Да и темпы прогресса развития системы образования несколько ниже, чем при маркетинговой стратегии, результаты менее заметны неспециалистам, отсроченный эффект при реализации стратегии.

Однако в результате школа наиболее оптимально поддерживает социальную стратификацию, а ее выпускники адекватно ориентированы на требования рынка труда. Это дает возможность снизить риск нецелевого расходования материально-финансовых ресурсов, шире использовать интенсивный путь изменения содержания образования (за счет реалистичных инноваций и интеллектуальных технологий) и, как следствие, — повысить эффективность среднего образования в период социально-экономических трансформаций.

В настоящее время конкурентоспособность отечественного школьного образования по мировым критериям оценивается невысоко. Тем не менее наша система школьного образования обладает потенциалом для преодоления отставания от развитых государств. Основным условием плодотворного развития является разработка собственных типов и моделей развития образования, а не слепое копирование зарубежных образцов.

В заключение отметим следующее. Исследователи мирового опыта экономических трансформаций связывают модернизационный потенциал страны с последовательно проводимым инновационным подходом к экономическому развитию. Специфика этого подхода, как демонстрирует опыт развитых стран, заключается в новом понимании развития, связываемого именно с человеческим развитием, в процессе которого человек должен стать и главным его фактором, и его непосредственным участником и главным потребителем результатов развития.

Именно поэтому в совокупности процессов, обеспечивающих конкурентоспособность, все более важными становятся обучающие процессы. Исходя из того, что знание превращается в фундаментальный ресурс в современной экономике, его получение выступает в качестве важнейшего процесса.

Современная парадигма школьного образования заключается в том, чтобы не просто передать обучающимся конкретные знания и служить своего рода «информационной накачкой», а научить их адаптироваться к качественно иным условиям жизнедеятельности и встраиваться в быстро изменяющуюся среду [1]. В этом контексте очень своевременно и важно наполнить процесс формирования «конкурентоспособного человеческого капитала» российским, и в том числе специфическим региональным, содержанием.

Список литературы

1. *Балыхин Г.А.* Управление развитием образования: организационно-экономический аспект. М., 2003.
2. *Гапоненко А.Л., Панкрусин А.П.* Стратегическое управление. М., 2004.
3. *Добрынин А.И.* Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб., 1999.
4. *Казарян М.* Концептуальные подходы к формированию конкурентоспособного человеческого капитала // Copyright © Человек и труд. 2008. № 10. URL: http://www.chelt.ru/2008/10-08/list_10-08.html
5. *Кулишова Р.С.* Параметры человеческого капитала и модели управления // Труд и социальные отношения. 2003. № 2.

6. *Семенов И. Н.* Человеческий и социальный капитал: междисциплинарные и рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М., 2009.
7. *Симаева И. Н., Шерри Н. С.* Стратегия развития образования в регионе Российской Федерации. Калининград, 2009.
8. *Сорокин П.* Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 353—372.
9. *Сорокина Н. Д.* Социальные функции образования: история и современность // Ежегодная научная конференция «Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики. Сорокинские чтения» МГУ. 17—18 дек. 2002 // Электронная библиотека социологического факультета МГУ. 2002.
10. *Denison Edward F.* The sources of economic growth in the United States and the alternatives before us. N. Y., 1962.
11. *Kendrick Jhon W.* Formation and stocks of total capital. N. Y., 1976 (рус. пер.: *Кендрик Джон.* Совокупный капитал США и его формирование. М., 1978).
12. *Schultz Theodore W.* Investment in human capital: the role of education and of research. N. Y., 1971.

Об авторах

М. И. Короткевич — аспирантка РГУ им. И. Канта.
С. Н. Юрьева — аспирантка РГУ им. И. Канта.

УДК (373+377+378):353

Е. В. Хитрова

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И МАЛЫЙ БИЗНЕС

Образование играет ведущую роль в развитии человеческого общества. Всестороннее развитие личности не просто относится к общенациональным интересам, но во многом их выражает и обеспечивает реализацию на приоритетных направлениях общественно-политического и социально-экономического развития страны [7].

Важны все звенья образовательной системы от начального до послевузовского образования, а также переподготовка и повышение квалификации как непрерывное образование в течение всей жизни. И все же особую значимость имеет высшее профессиональное образование. Эффективная система высшего образования — важнейший фактор научно-технического прогресса, развития экономики и общества в целом.

Наша страна сегодня переживает очередную реформу образования. От того, как она будет проходить, каковыми окажутся результаты, во многом зависит будущее России. На наш взгляд, успешное ее проведение возможно лишь в случае, когда образовательный комплекс рассматривается в широком социальном и экономическом контексте как важнейшая составляющая социума.

Вполне очевидна тесная взаимосвязь образования с экономикой, которая определяет материальную базу сферы образования, обуславливает его содержание, определяя перечень необходимых обществу специальностей и профессий, структуру учебных дисциплин.

Отмечая взаимосвязь образования и экономики, необходимо подчеркнуть, что образование занимает особое место в системе общественного разделения труда.

От реализации социальных функций зависит качество подготовки специалистов, формирование гражданских черт, ценностных установок и мировоззрения завтрашней интеллигенции. По мнению Н. Лукашевича и В. Солодкова, к ним относятся следующие функции: социального воспроизводства (репродуктивная); социального перемещения (изменение социального статуса); культурно-репродуктивная; коммуникативная; селективная; социального регулирования и контроля; инструментальная.

Применительно к высшему образованию содержание этих функций выглядит следующим образом. Функция социального воспроизводства состоит в том, что высшее образование репродуцирует разные стороны социальной жизни, все виды специального обучения воссоздают социально-профессиональ-

ную структуру, с его помощью происходит накопление материального и духовного богатства общества.

Функция социального перемещения указывает на то, что с помощью образования изменяется положение человека в обществе, люди получают возможность занять в нем более высокий статус.

Культурно-репродуктивная функция отражает динамику влияния высшего образования на сохранение и приумножение культурных ценностей.

Коммуникативная функция проявляется через двустороннюю связь по каналу «Образование — окружающий мир». Ценности, которыми обогащаются студенты в период обучения, в абсолютном большинстве своем воспроизводятся другими сферами жизнедеятельности общества: экономикой, политикой, наукой, культурой и т. д.

Селективная функция отображается в естественной дифференциации студентов по способностям, предметным и профессиональным симпатиям.

А функция социального регулирования и контроля «формирует чувство благодарности «хозяину», гражданскую позицию, местный патриотизм» [6, с. 72]. Здесь имеется в виду воздействие на социальное самосознание обучающихся как факт принадлежности учебного заведения к государственной системе, к местным органам самоуправления или к частному бизнесу. В школе, а особенно в вузе, происходит выработка уважительного отношения к государственно-правовым актам, к ценностям рыночных отношений и системе свободной демонстрации, традициям и обычаям своей нации, своего региона, города.

Под инструментальной функцией следует понимать разработку путей и способов социализации студентов, поиски эффективных технологий приобщения к труду, к адаптации молодых специалистов на производстве.

Иная проблема встает в связи с изменениями в сфере культуры в процессе образования информационного общества. Формирование, духовное становление человека происходит

уже отнюдь не в традиционных рамках, когда социальный статус родителей почти автоматически определял как общественную, так и духовную судьбу почти каждого человека. Прогрессирующий развал и силовых, и идеологических структур традиционализма обеспечил определенную свободу выбора своего будущего почти каждой личностью. И поэтому серьезную опасность представляет появление в обществе тех культурологических архетипов, которые не служат его развитию, способствуют моральному разложению, падению нравов. Информатизация образовательных процессов становится неотъемлемой частью улучшения качества подготовки специалистов, при этом она способствует развитию не только основного, базового образования, но и так называемого дополнительного образования, в том числе по Президентской программе.

Экономисты самых разных школ и направлений сходятся на том, что одной из важнейших задач для социального и экономического развития в РФ является активизация и развитие малого бизнеса. Переход к рыночным отношениям в отечественной экономике определяет необходимость организационно-экономических новаций во всех областях хозяйственной деятельности. Одно из важнейших направлений экономических реформ, способствующих развитию конкурентной рыночной среды, наполнению потребительского рынка товарами и услугами, созданию новых рабочих мест, формированию широкого круга собственников, — развитие малых форм производства.

Малый бизнес — это предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики при определенных условиях, установленных законом, государственными органами и другими представительными организациями, конституирующими сущность данного понятия.

Экономическая функция предпринимательства заключается в том, что оно обеспечивает непрерывное институциональное изменение и развитие всей экономической системы общества, постоянно обновляет инновациями среду, открывает дорогу разнообразным преобразованиям. Данная функция спо-

способствует повышению эффективности производства, качества продукции и услуг, внедрению достижений научно-технического прогресса и др. [4, с. 7].

Социальная функция предпринимательства заключается в том, что она смягчает стихийное воздействие рынка путем решения вопросов социального обеспечения людей. Она способствует росту культурного и образовательного уровня населения, защищает его малообеспеченные слои от инфляции и др.

Как показывают исследования, большинство неудач малых фирм связано с менеджерской неопытностью или профессиональной некомпетентностью собственников малых и средних предприятий. В современном малом бизнесе крайне необходимы специальные знания. Сегодня образовательная база российского бизнеса активно развивается. Руководители и менеджеры российских предприятий включились в образовательный процесс с целью получить теоретическую подготовку в сфере экономики и управления. Сфера образования ответила на возросший спрос на экономические знания появлением новых образовательных программ.

Однако реализация данных программ сталкивается с рядом трудностей. Отсутствие профессиональных знаний, в том числе в области экономики и управления, а также низкая социальная защищенность работников малых предприятий вызывает трудности с подбором и наймом высококвалифицированных кадров, что снижает эффективность работы предприятий малого бизнеса.

Законодательство, регулирующее деятельность малых предприятий, имеет противоречивый характер. Ряд действующих законодательных и нормативных актов не имеет четкого и продуманного механизма реализации. Невыполнение государством принятых им же решений существенно затрудняет предпринимательскую деятельность, порождает неуверенность в завтрашнем дне, ведет к снижению деловой активности населения, стимулирует развитие «теневого» бизнеса.

Учитывая современную специфику развития малого предпринимательства, качество и эффективность деятельности ин-

фраструктуры поддержки предпринимательства представляет сегодня ключевым фактором успешного развития малого предпринимательства в регионах. Именно посредством поддержки предпринимательства через активное взаимодействие всех ее элементов осуществляется обратная связь между бизнесом и властью, что позволяет повышать действенность государственного регулирования малого предпринимательства, реально ориентировать малый бизнес на участие в приоритетных для региональных органов власти направлениях социально-экономического развития.

Необходимо создать инфраструктуру для повышения квалификации и переподготовки работников и руководителей малых предприятий, поскольку в связи с недостаточностью знаний и неопытностью многие предприниматели не выдерживают жесткую конкуренцию в какой-либо определенной отрасли. И здесь существенным моментом является подготовка людей к конкурентному рынку, построенному на соперничестве на каком-либо поприще между отдельными юридическими и физическими лицами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели [1].

Малое российское предпринимательство в настоящий момент множеством нитей связано с «теневой экономикой». Эта связь крайне противоречива: с одной стороны, уход от налогов повышает конкурентоспособность мелкого бизнеса. С другой — «теневая экономика» тянет на дно малое предприятие, не дает ему возможности пользоваться кредитами и другими легальными источниками внешнего финансирования, что мешает ему «всплыть» [3, с. 7].

Предприниматели, накопившие достаточный опыт и намеренные добиться нового прорыва в развитии своего предприятия, сталкиваются со многими проблемами, для решения которых им необходимы специальные знания, позволяющие усовершенствовать практический опыт теоретическими знаниями и новыми технологиями.

Саморазвитие национальной экономики в постиндустриальном обществе может быть достигнуто только за счет соци-

альных факторов развития и эффективного использования человеческого капитала, то есть накопления знаний и навыков как важнейшего общественного блага и их превращения в нововведения.

Решение поставленных задач возможно с позиций институционального подхода к проблеме государственного регулирования малого предпринимательства, который расширяет возможности понимания этой важнейшей составляющей экономики государства и оказывается для нее методически перспективным, так как дает новые средства обеспечения в будущем более эффективной системы государственной поддержки малого бизнеса [1, с. 32].

Для развития позитивных тенденций российского малого предпринимательства, кардинального расширения поля его деятельности требуется активизация государственной поддержки на всех уровнях. Чрезвычайно важно также расширение инновационной и научной деятельности в интересах развития всех сфер российской экономики. Стратегию поддержки малого бизнеса необходимо строить исходя из того, что развитие малого бизнеса — важное условие выхода страны из экономического кризиса.

Таким образом, государственная политика по отношению к сектору малого предпринимательства нуждается в фундаментальном пересмотре. Необходимым условием выработки эффективных мер государственной политики является адекватное представление современного состояния малого предпринимательства, экономических и социальных аспектов его развития в современной России. Подлинная цель экономических реформ — создание эффективной экономики, обеспечивающей высокий уровень и качество жизни населения; достойное участие России в мировом экономическом сообществе. Развитое малое предпринимательство — уникальный и эффективный инструмент для достижения этих целей. Объединение усилий власти и высших профессиональных учебных заведений позволит активизировать социальные функции образования.

Список литературы

1. *Азоев Г. Л.* Конкуренция: анализ, стратегия и практика. М., 1996.
2. *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1996.
3. *Артемов С. А.* Формирование системы государственного регулирования малого предпринимательства в РФ (теоретические аспекты). Калининград, 2002.
4. *Бойко И. П., Мессенгиссер М.* Малое предпринимательство в России: проблемы и перспективы // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. Экономика. 2004. В. 1 (№ 5).
5. *Баттрик Р.* Техника принятия эффективных управленческих решений. 2-е изд. М., 2006.
6. *Лукашевич Н. П., Солодков В. Т.* Социология образования. Киев, 1997.
7. *Миндибекова Л. А.* Социальные функции высшего образования и проблемы реализации // Труд и социальные отношения. URL: <http://id.atiso.ru/journal/archives/2005/№2> (дата обращения: 21.05.2008).
8. *О развитии* малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2007 г. № 209-ФЗ. URL: <http://www.taxpravo.ru> (дата обращения: 20.05. 2008).

Об авторе

Е. В. Хитрова — магистрант РГУ им. И. Канта.

УДК 159.9:316.6

Е. А. Белкина

**СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
РОЛЕВОГО КОНФЛИКТА
У РАБОТАЮЩИХ ЖЕНЩИН**

Эмансипация и равные права в сфере труда — те ценности и достижения в обществе, за которые женщины борются уже не первое столетие. Однако в современном российском обществе они приобрели специфические противоречивые тенденции.

С одной стороны, профессиональная трудовая занятость женщины способствует

реализации творческого потенциала, развитию ощущения личной независимости и самооценности, позволяет приобрести достойный статус в обществе. С другой — одновременно сокращает время самореализации в семейной сфере и тем самым приводит к столкновению семейных и профессиональных ролей, напряжению и конфликту. Кроме того, российская действительность такова, что профессиональная занятость женщин часто вызвана жизненно важной необходимостью обеспечить средний прожиточный минимум своей семьи.

Таким образом, проблема совмещения ролей у работающих женщин в последние годы приобретает все большую актуальность. Однако в современной науке феномен ролевых конфликтов работающих матерей изучен недостаточно. Большинство исследователей делает основной акцент на путях адаптации женщин-матерей к новым социально-экономическим условиям: системе льгот, пособий, графике работы для женщин, системе сервиса, организации центров поддержки и т. п. То есть в отечественной науке проблемы работающих женщин-матерей преимущественно рассматриваются в социально-экономическом ключе, а не в социально-психологическом.

Нам представляется, что совмещение женщиной работы и семейных функций — одна из существенных причин ролевого напряжения, реальность, которую нельзя игнорировать или решить социально-экономическим путем. Данная ситуация спровоцирована многочисленными разнонаправленными задачами. Так, вне зависимости от того, работает ли замужняя женщина или нет, именно на ней лежит основная ответственность за домашние дела и воспитание детей [3]. Традиционные взгляды на разделение семейных функций заставляют работающую мать и жену брать на себя возрастающую долю коллективного семейного труда, не считающегося работой [4]. В то же время работа гарантирует женщине определенную экономическую независимость от доходов мужа.

Возникшее противоречие приводит к неоднозначным последствиям. Не требует доказательств тот факт, что влияние работы на семью и психику женщины осуществляется косвен-

но, через перенос напряжения и неприятностей из сферы работы в семью. Однако исследования в странах Европы показывают, что большинство работающих женщин чувствуют себя некомфортно и буквально заболевают, если им приходится сидеть дома и заниматься домашней работой. Комбинирование работы и семьи приводит к росту тревожного состояния, но не сказывается на физическом и душевном здоровье. При этом удовлетворенность своим трудом была значительно выше удовлетворенности, которую получают неработающие женщины от своей работы по дому [5].

Очень остро встает вопрос о том, что является показателем или индикаторами наличия у женщины-матери ролевого конфликта. Достаточно сложно отделить друг от друга индикаторы ролевого конфликта и факторы, детерминирующие его возникновение и развитие. Американские ученые определили восемь категорий факторов, способствующих возникновению ролевого конфликта: управление временем, отношения с мужем, управление хозяйством, финансы, заботы о детях, собственные ожидания, ожидания других и чувство вины [2]. Отечественные ученые Ю. Е. Алешина, Е. В. Лекторская, О. А. Гаврилица в разных работах указывают на следующие критерии, позволяющие определить степень успешности и неуспешности сочетания ролей работающей женщиной:

- противоречия в реализации семейных и профессиональных ролей (т. е. собственно ролевой конфликт);
- чувство вины женщины перед семьей из-за того, что ей приходится уделять много времени работе;
- преимущественная ориентация женщины либо на семью, либо на работу;
- отсутствие одобрения и поддержки мужем работы жены [1; 2].

Все эти критерии — показатель субъективного восприятия и оценка женщиной себя и своей жизненной ситуации, а не реальной ситуации. Таким образом, ролевой конфликт воспринимается женщиной как ощущение раздвоенности между семьей и работой, как острая нехватка времени и сил, как чув-

ство вины перед семьей и неодобрение ее работы мужем и другими членами семьи. Одновременная реализация семейных и профессиональных ролей затруднена, роли воспринимаются как конкурирующие и взаимоисключающие. Этот показатель является наиболее простым и логичным индикатором ролевого конфликта [2].

Чаще всего работающая женщина сталкивается со спектром дилемм, обусловленных противоречащими друг другу требованиями, предъявляемыми к ней семьей и работой, что заставляет ее постоянно переключаться на две совершенно разные роли, которые ей необходимо исполнять. К примеру, на работе доминирует принцип индивидуализма, а дома основной доминантой выступает забота, с ценностью альтруизма, самопожертвования и «служения» близким. Или противоречие между возможностями профессионального самовыражения личности, самоотдачи, постоянного совершенствования квалификации и выполнением женщиной-матерью своих семейных функций.

Работа дает женщине экономическую самостоятельность и возможность личной самореализации. В то же время сокращается время общения с семьей, размываются семейные отношения, увеличивается риск развода и одиночества [6].

В настоящее время в обществе доминируют отношения, которые поддерживают тех, кто обладает агрессивностью, инициативой, конкурентностью, то есть характерными мужскими чертами. Для того чтобы стать успешной в современном обществе, женщине необходимо имитировать мужское ролевое поведение и отказаться от свойственного ей типично женственного или феминного типа поведения [2].

Немаловажным аспектом ролевого конфликта работающей женщины является восприятие ею своего мужа как неодобряющего ее профессиональную деятельность. Существует тесная корреляционная связь негативного отношения мужа к работе жены и наличия у нее высокой степени выраженности ролевого конфликта [3]. Низкий уровень ролевого конфликта во многом связан с внутрисемейной ситуацией и поддержкой

мужа. Можно согласиться с Ю.Е. Алешиной, что такая зависимость от мнения мужа явно свидетельствует о том, что большинство женщин скорее склонны придерживаться традиционного представления о своем месте в обществе, воспринимая мужей как обладателей большого количества прав и большей автономии от семьи, чем они сами [1]. Таким образом, отрицательное отношение мужчин к работе их жен часто связано с традиционными полоролевыми установками мужчин на семью и место в ней женщины. Чаще всего работа ассоциируется с независимостью, а это уменьшает возможность доминировать над женщиной. Когда женщины работают вне дома, продолжая при этом нести ответственность за домашние дела и воспитание детей, власть мужчин внутри семьи уменьшается.

Отношение мужа к работе жены может быть связано и с рядом других факторов: межличностными отношениями в семье между супругами, степенью традиционных установок мужа, циклом жизни семьи, общей идеологией, господствующей в культуре или в семье мужа. В частности, факт принятия мужем профессиональной занятости жены выступает своеобразным показателем того, что она справляется со своими домашними обязанностями. Кроме того, если муж одобряет работу жены и необходимость ее профессионального роста, он увеличивает свою помощь по дому. И наконец, в современном обществе отдается приоритет работающим женщинам без ребенка, в такой ситуации она особенно нуждается в поддержке своего выбора мужем и другими близкими.

Что касается такой характеристики ролевого конфликта работающих женщин, как чувство вины, которое она испытывает перед семьей за то, что мало уделяет ей внимание из-за работы, оно служит одним из главных показателей ролевого конфликта [2].

Большинство исследователей указывают на то, что чувство вины формирует потребность в наказании. Но зачастую чувство вины может проявляться в психосоматических симптомах. По мнению американских психологов, именно чувство

вины несет ответственность за многие стресс-симптомы работающих матерей сразу в нескольких областях: в отношении с детьми, в супружеских отношениях, на работу и на отношение к себе [2]. В настоящее время существует мнение о том, что чувство вины негативно влияет на успехи женщин как в профессиональной сфере, так и в семейных отношениях. Многие работающие женщины не просят своих мужей помочь им в ведении домашнего хозяйства и воспитании ребенка, так как чувствуют потребность в компенсации своей вины, избирая такой способ самоказания.

Не менее значимой причиной ролевого конфликта является нехватка времени и физических ресурсов. Если человек плохо распределяет свои ресурсы, то возможно истощение. Дефицит времени, как правило, возникает в результате необходимости выполнять большое количество дел и неумения управлять своими временными ресурсами.

И все же само по себе ни выполнение большого числа различных ролей, ни противоречивые их требования автоматически не приводит к возникновению ролевого конфликта у работающей женщины. Существенным является ее отношение к этим ролям и умение расставить приоритеты. Именно поэтому ролевой конфликт неизбежен, если женщина не найдет свою стратегию комбинирования ролей.

Данный аспект проблемы исследовался на кафедре общей психологии в Российском государственном университете им. И. Канта. Социально-психологическое исследование было посвящено изучению психологических механизмов возникновения и развития ролевого конфликта у женщин, состоящих в браке, имеющих одного и более детей не старше 12 лет и занимающихся профессиональной деятельностью вне дома и проживающих в Калининграде и области. В исследовании принимали участие 60 женщин в возрасте от 21 до 40 лет, из которых 19 имеют высшее образование, 37 — среднее специальное и 4 — среднее; 32 женщины работают по приобретенной специальности, а 28 — не имеют специальности.

Средний ежемесячный доход в семье у 11 женщин менее 100 долларов, у 34 — 100—300 долларов, у 12 — 300—700 долларов и только у 3 из всей выборки исследования 700 долларов в месяц.

Использован следующий диагностический инструментарий: опросник для определения степени выраженности ролевого конфликта у работающей женщины (разработан на кафедре социальной психологии МГУ им. М. Ломоносова в 1985 г.); опросник для определения психологического пола (С. Бэм); опросник для определения ролевой иерархии типов ориентации (О. А. Гаврилица).

Полученные данные говорят о том, что большинство обследованных калининградских женщин имеют средний уровень выраженности ролевого конфликта (61,6%), что говорит о частичной удовлетворенности работающих женщин выполняемыми ролями — как семейными, так и профессиональными; 13,4% респондентов имеют высокую и 25% низкую степень выраженности ролевого конфликта.

Затем степень выраженности ролевого конфликта была рассмотрена с позиции принадлежности каждого респондента к тому или иному психологическому полу. Было выявлено, что у большинства участниц исследования андрогинный психологический пол (73,3%), на втором месте женщины с феминным психологическим полом (15%) и в меньшинстве — женщины, имеющие маскулинный психологический пол (11,7%).

При анализе полученных данных было установлено, что работающие женщины, принадлежащие к феминному психологическому полу (55%) испытывают наиболее выраженный ролевой конфликт, в данной группе не было зафиксировано ни одного респондента с низким уровнем ролевого конфликта. В то время как женщины, относящиеся к андрогинному (70,5%) и маскулинному (28,6%) типам, в большинстве испытывают средний уровень выраженности ролевого конфликта. И только 4,5% работающих женщин-матерей среди андрогинных и 14,2% среди маскулинных — испытывают высокую степень выраженности ролевого конфликта. Низкая степень выражен-

ности ролевого конфликта для данной выборки исследования малохарактерна (11 %).

Далее в ходе нашего исследования был проведен сравнительный анализ степени выраженности показателя того, насколько реализация семейных ролей мешает выполнению профессиональных, и наоборот. Также сравнительному анализу подвергались показатели чувства вины у работающих женщин с разным психологическим полом, а также показатели степени неодобрения мужем работы жены у женщин с различным психологическим полом. Выяснилось, что наиболее успешно сочетать семейные и профессиональные роли удается женщинам маскулинного психологического типа. Для них характерны низкий и средний уровни выраженности ролевого конфликта (49,9%), а высокая степень выраженности ролевого конфликта свойственна лишь 14,3%. В то время как у 55,6% феминных респонденток наиболее часто встречается высокая степень выраженности ролевого конфликта. Для женщин с андрогинным психологическим полом характерен средний (47,8%) и низкий уровни (34,1%) выраженности ролевого конфликта.

Чувство вины, испытываемое работающими женщинами, также отличалось у женщин с различным психологическим полом. Наиболее высокий уровень выраженности ролевого конфликта характерен женщинам феминного типа (55,5%) в данной категории. А наиболее низкая степень выраженности ролевого конфликта свойственна женщинам с маскулинным (42,9%) и андрогинным (40,9%) типом психологического пола.

Сравнение выраженности показателя неодобрения мужем работы жены продолжает уже существующую тенденцию: среди женщин феминного типа наиболее часто встречаются средний уровень выраженности ролевого конфликта (77,8%) и самый большой показатель (22,2%) высокого уровня выраженности ролевого конфликта. Наиболее низкий показатель выраженности ролевого конфликта у маскулинных работающих женщин (57,2%) по данному параметру. У работающих женщин с андрогинным психологическим полом наиболее

чаще встречается средний (50%) и низкий (45,5%) уровень ролевого конфликта.

Анализируя полученные результаты, можно заметить, что работающие женщины феминного типа вовлечены в наиболее выраженный ролевой конфликт. Это наблюдение относится как к общему уровню ролевого конфликта, так и к каждому показателю, из которого он складывается, а именно совмещение семейной и профессиональной сфер жизни, чувства вины и неодобрительное отношение мужа к работе жены. Ни в одном из перечисленных случаев у феминных женщин не встретился низкий уровень ролевого конфликта. Наиболее успешно с ним справляются работающие женщины андрогинного типа. В этой группе преобладает средняя степень выраженности ролевого конфликта.

Проведенное исследование позволяет заключить, что наличие в характере андрогинных женщин феминных и маскулинных черт позволяет им быть одинаково успешными в обеих сферах жизни, получая удовлетворение от включенности в них. Работа и семья не воспринимаются андрогинными женщинами как противоположные и мешающие друг другу. Что касается работающих женщин с выраженными маскулинными чертами, то большинство из них демонстрируют незначительную степень выраженности ролевого конфликта. Можно предположить, что маскулинные качества характера позволяют им быть более успешными в профессиональной сфере по сравнению с немаскулинными или феминными женщинами. В связи с этим удовлетворение, которое они получают от успешной профессиональной деятельности, часто компенсирует то чувство потери, которое они могут ощутить из-за недостаточной реализации семейных ролей, а именно роли матери и хранительницы домашнего очага. Как следствие компенсаторного влияния происходит снижение ощущения ролевого конфликта.

Что касается полученных данных по опроснику «Построение ролевой иерархии», то ситуация такова: маскулинные работающие женщины наиболее часто отводят первое место роли матери (4 респондента). Второе место делят между собой роли профессионала (3 респондента) и жены (2 респондента).

На третьем месте роль жены (2 респондента) и по 1 респонденту на это место поставили роли профессионала, коллеги и женщины. На четвертом месте наиболее часто встречается роль хозяйки (4 респондента) и по 1 респонденту на роли профессионала, матери и жены. Роль матери и коллеги на пятое место не поставил никто из респондентов, имеющих маскулинный психологический пол. Большинство респондентов отвели шестое место роли коллеги. На последнее седьмое место около половины опрошенных поставили роль женщины.

Большинство работающих женщин с андрогинным психологическим полом ставят на первое место роль матери (23 респондента из 44 опрошенных) или женщины. Второе место почти поровну делят роли матери, жены и женщины. Чаще всего работающие женщины андрогинного психологического пола на последнее место в иерархии ролей у работающих женщин находится роль коллеги и 5 респондентов из всех опрошенных отдают это место роли профессионала, 3 — роли хозяйки и 1 — роли женщины.

Ролевая иерархия работающих женщин, имеющих феминный психологический пол, отличается тем, что роли профессионала и деловой женщины и коллеги занимают последние позиции.

Таким образом, роль матери занимает главенствующее положение у работающих женщин с любым психологическим полом, а семейные роли (жены и хозяйки) — среднее место у всех женщин независимо от их принадлежности к тому или иному типу психологического пола. В то время как профессиональные роли занимают лидирующее положение, в частности, у маскулинных работающих женщин и среднее положение у женщин с андрогинным психологическим полом.

Что касается ориентации женщин на семью, работу или саморазвитие, то можно отметить следующее: женщины с феминным психологическим полом в большей степени ориентированы на совмещение работы с ориентацией на семью (44,4%), затем на совмещение работы и семьи с первостепенной ориентацией на работу (33,3%). Они же более других при решении материальных проблем были бы ориентированы на

себя и на удовлетворение своих потребностей (33,3%) и незначительная доля в таком случае ориентирована только на семью (11,1%). Маскулинные женщины в большей степени ориентированы на работу (42,9%), а не на семью и незначительное предпочтение отдается саморазвитию. После решения материальных проблем женщины с маскулинным психологическим полом предпочли бы заниматься работой, чем семьей, и только 14,2% занялись бы саморазвитием. Что касается работающих женщин с андрогинным психологическим полом, то они преимущественно ориентированы на совмещение работы и семьи с первостепенной ориентацией на работу (41%).

При условии решения материальных проблем женщины с андрогинным психологическим полом в большей степени ориентированы на семью и работу (47,7%), в то время как на работу ориентированы всего лишь 2,3% работающих матерей.

Таким образом, в ходе нашего исследования выяснилось, что работающие женщины с высокой степенью ролевого конфликта в одинаковой мере ориентированы на работу и семью, а также их совмещение. В то время как у женщин со средним уровнем выраженности ролевого конфликта приоритетным является совмещение работы и семьи, с первостепенной ориентацией на работу. Также значительное число участниц исследования ориентировано только на работу с приоритетом семьи, и незначительная доля респондентов ориентирована только на семью. У работающих женщин с низким уровнем выраженности ролевого конфликта приоритетной сферой считается работа.

Примечательно, что при условии решения материальных проблем резко увеличивается число женщин, желающих больше уделить времени себе, особенно это касается работающих матерей, испытывающих высокую степень выраженности ролевого конфликта.

Проведенное исследование свидетельствует о существовании отличий в степени выраженности ролевого конфликта у работающих матерей с различным психологическим полом и позволяет охарактеризовать ролевой конфликт работающих женщин как социально-психологический феномен.

Список литературы

1. Алешина Ю. Е., Лекторская Е. В. Ролевой конфликт работающей женщины // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 80—88.
2. Гаврилица О. А. Ролевой конфликт работающей женщины: дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
3. Гурко Т., Босс П. Отношения мужчин и женщин в браке // Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1998.
4. Дудченко О., Ясная Л., Дейнз Ш. Работа женщины в семье // Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1985. С. 129—145.
5. Перова И. Некоторые аспекты проблемы адаптации женщин в условиях становления рынка труда // Женщины в реформируемой экономике. М., 1995.
6. Юлина Н. С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 173—176.

Об авторе

Е. А. Белкина — ассистент кафедры общей психологии РГУ им. И. Канта.

УДК 159.9:316.6

О. В. Стрелкова

**СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ:
ДЕТСКАЯ СУБКУЛЬТУРА,
ЕЕ ФУНКЦИИ
И МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ**

Родившийся ребенок попадает в определенную человеческую среду со своей сформировавшейся культурой. Ему предстоит еще стать человеком в полном смысле слова: развиваться не только физически, но и усвоить все то, что известно и принято в его социальном окружении. Программы поведения человека генетически не предаются. Он приобщается к культуре усилиями своего непосредственного окружения. Впитывая в себя культуру, входящий в жизнь человек обретает свое социаль-

ное содержание — нравственные представления, взгляды, стереотипы поведения и самовыражения, эстетические вкусы. Культура становится способом социального развития человека.

В науке XX века было немного ученых, которые обратили внимание на существование особого детского мира, обладающего собственной культуральной системой представлений о мире и людях, социальных нормах и правилах, наследуемых от поколения к поколению детей традиционных форм фольклорных текстов. В России первым попытался исследовать культуральную систему мира — детскую субкультуру (приставка «суб» — происходит от латинского — «под», указывающая на нахождение внизу под чем-либо; подчиненность, второстепенность; неосновной, неглавный) известный профессор-фольклорист Г. С. Виноградов. В 20-е годы он опубликовал на эту тему серию блестящих работ и выделил детский фольклор из обширной области народной словесности.

Исследователи детской субкультуры 60—80 годов XX века в основном были фольклористами. Поэтому предметом их интереса были, прежде всего, тексты детского фольклора, а именно песенки, правила игр, отговорки, пародии на песни и стихи взрослых, детские анекдоты, загадки, магические вызывания потусторонних сил, гадания и заговоры. Фактически этот фольклор и является языком детской субкультуры. Специалисты в области музыкальной культуры хорошо знают, что с помощью традиционной нотной записи нельзя точно передать народную песню. Точно также обстоит дело и с детской субкультурой, которая преимущественно бесписьменна.

В исследовании В. В. Абраменковой детская субкультура рассматривается в широком значении. Всё, «что создано человеческим обществом для детей и, в более узком значении — смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития» [1].

Как отмечает М. В. Осорина, детская субкультура это результат коллективного творчества многих поколений детей.

Она передается от ребенка к ребенку в непосредственном общении и характеризуется следующими особенностями. Она является частью, или подсистемой, культуры того общества, к которому принадлежат дети, но всегда сохраняет относительную автономию и самостоятельность. Детская субкультура отличается консерватизмом, обладает своеобразными «цензурными фильтрами», не позволяющими расшатывать ее устои. При этом она гибко реагирует на события окружающего мира и ассимилирует новую информацию, вводя ее в традиционно детские культуральные структуры. Детская субкультура — продукт социального взаимодействия и коллективного творчества детей в свободном общении, играх познавательной деятельности в неформальных группах. При том одна из важнейших функций детской субкультуры состоит в регуляции взаимоотношений между членами детского игрового сообщества и отношений с окружающим миром природы и миром взрослых [4].

В исследовании Л. П. Буевой отмечается, что в каждом обществе действуют два уровня, или способа, социокультурного опыта. Первый — через специально организованную образовательную систему, которая в профессионально подготовленной и социально организованной системе определяет и выражает иерархию ценностей данного общества и систему знаний, необходимых для выполнения социально значимых функций с помощью языков науки и искусства [2].

Второй путь образования человека складывается стихийно в повседневной жизни, фиксируется и передается через систему традиций, обрядов или в речевом выражении, осваиваясь непосредственно через общение и подражание. В этой сфере передаются и повседневные формы культуры, воспроизводятся архетипы, накапливается житейский опыт, сообщается сложная система вне научных способов познания, нравов, оценок и привычек поведения.

Одна из важнейших функций детской субкультуры состоит в регуляции взаимоотношений между членами детского игрового сообщества, так как житейский опыт усваивается ребенком задолго до приобретения научных знаний.

Говоря о современном языке детской субкультуры как важном компоненте психологической культуры, мы выделяем ту часть объема, касающуюся психологической предобразованности ребенка, совокупности его житейских понятий о психической жизни человека и спонтанных способах саморегуляции поведения. Совокупность психологической предобразованности — коммуникативная, рассматривается нами как элемент детской субкультуры и как один из этапов овладения психологической культурой.

Коммуникативными составляющими детской субкультуры являются те элементы, которые непосредственно применяются дошкольниками в процессе общения (детские мирилки, дразилки, считалки, рассказывание страшных историй, приметы и т. д.). Усвоение обыденных психологических знаний происходит стихийно. Поэтому в контексте нашего исследования нас интересовал вопрос о сформированности донаучных, житейских психологических знаний у ребенка старшего дошкольного возраста и умения применять их в процессе межличностного взаимодействия со сверстниками.

Не рассматривая детально все составляющие детской субкультуры, отметим, что становление психологической культуры начинается с ее азов, то есть с психологической грамотности, проявляющейся в кругозоре, эрудиции в области разнообразных психических явлений. На основе психологической грамотности формируется психологическая компетентность, которую мы будем рассматривать как специфический, вербальный способ владения коммуникативными составляющими детской субкультуры, необходимый для построения отношений ребенка-дошкольника со сверстниками.

Представление об основах формирования психологической культуры и элементах коммуникативной составляющей детской субкультуры, детерминирующих функционирование детей в ситуациях общения, будет дополнять проведенное нами эмпирическое исследование на базе муниципальных дошкольных учреждений города Калининграда.

Задача экспериментального исследования заключалась в выявлении коммуникативных составляющих детской субкультуры у детей старшего дошкольного возраста, которые мы рассматриваем как важный компонент психологической культуры ребенка. Основным методом исследования стала индивидуальная беседа с детьми, проходившая по следующим стандартизированным вопросам.

1. Знаешь ли ты отговорки, дразнилки, мирилки?
2. Какие страшные истории ты знаешь?
3. Как надо вести себя, если черная кошка переходит дорогу?
4. Что ты обычно делаешь, если тебя дразнят дети?
5. Как бы ты распределил роли в игре, если выполнять одну и ту же роль захотели бы все дети?
6. Если тебя обидели или отобрали игрушку, разрушили постройку — что ты обычно делаешь, как поступаешь?

Первая группа вопросов была направлена на выявление знаний ребенком коммуникативных составляющих детской субкультуры (отговорки, дразнилки, мирилки, страшные истории, приметы), то есть психологической грамотности, а вторая — на умение применять элементы коммуникативной детской субкультуры непосредственно в общении со сверстниками, то есть быть коммуникативно-компетентным. Полученные в процессе беседы данные подтверждались дальнейшим наблюдением за игровой деятельностью дошкольников на прогулке и в свободной игровой деятельности. Это позволило обнаружить субъективные особенности, касающиеся коммуникативного опыта детей старшего дошкольного возраста.

Девочки были более коммуникабельны, отличались оригинальностью ответов и приводили не один, а несколько примеров. Например, Оля С., отвечая на первый вопрос, познакомила экспериментатора с большим количеством отговорок, которыми она пользуется, а также дала объяснение, почему необходимо «расправляться» с обидчиком его же оружием — отговоркой. Приведем примеры некоторых из них:

Касса закрыта,
Ключ у меня.
Кто обзывается
Сам на себя.

Обзывайся целый год,
Всё равно ты бегемот.
Обзывайся целый век,
Всё равно я человек.

Такая отговорка используется против навязчивого попрошайки:

— Мне это подаришь?
— Подаришь уехал в Париж.

В случае, если тот продолжает настаивать:

— Ну, что тебе жалко?
— Жало у пчелки, а пчелка на елке.

Света Р. присоединяется к разговору и называет множество дразнилок, которые также представляют собой стихотворные тексты. Света объясняет, что дразнит она обычно тех девочек, которые жадничают, ябедничают воспитателю или ревут по всякому поводу. Тут же замечает, что «когда меня дразнят, я никогда не обижаюсь, я много отговорок знаю».

Жади́на-говя́дина, соленый огурец,
На полу валяется, никто его не ест.
А муха прилетела, понюхала и съела!

Точно также можно расправиться с ябедой, заменив первые два слова на «ябеду-корябеду».

Плаксу можно дразнить так:
Плакса, вакса, гуталин!
На носу горячий блин!

Или:

Бака-бояка,
Зеленая собака.

Наиболее популярной мирилкой у девочек и мальчиков стал текст «Миришь, миришь, миришь и больше не дерись», при котором необходимо было выполнить и определенное действие — сцепиться пальцами рук друг с другом и в такт произносить слова.

Дети, которых мы условно отнесли к высокому уровню владения коммуникативными составляющими детской субкультуры, затруднительные и спорные ситуации разрешали и с помощью использования регуляторной функции считалок. Причем тексты современных детских считалок были самыми разнообразными:

На золотом крыльце сидели:
Мишки Гамми, Том и Джери,
Скрудж Магдак и три утенка —
Выходи, ты будешь Понка.

Или:

Со второго этажа
Полетели три ножа:
Синий, красный, голубой —
Выбирай себе любой.

Нами отмечено, что наиболее распространенной страшной историей у девочек были тексты «про девочку или мальчика», «про одного мужчину» или «про одну женщину», где сюжет требовал победить зло, восстановить сущность вещей, соответствующую их природе. При этом фантастические образы — разнообразные типы вредителей всегда скрывались под ликом обыкновенных людей или предметов (от красного пятна на стене до мамы). Очень часто в историях неодушевленные предметы действовали как живые. Например, в страшной истории Тани М. «красный шнурок звонит в дверь и пытается задушить девочку. Папа его разорвал, но шнурок продолжает терроризировать семью. Тогда его облили керосином и сожгли, а пыль выбросили в окно. Но ночью снова звонят в дверь. Врывается огненный столб пыли и ослепляет всю семью».

В страшных историях мальчиков наиболее часто встречаются такие персонажи, как скелет, черт, вампир, ведьма и т. д. Сережа С. рассказывал: «Одна семья переехала в новую квартиру, а в одной комнате, в самом углу на потолке было красное пятно. Мальчик, который спал в этой комнате вдруг начал болеть, и врачи не могли определить, почему с каждым днем он становился всё слабее и слабее. Ровно в полночь пятно превращалось в страшную ведьму, которая пила кровь этого мальчика. Отец мальчика был милиционером и подкараулил ведьму, выстрелил ей прямо в сердце. С тех пор пятно исчезло, и мальчик стал здоровым...».

То обстоятельство, что ребенок знает много страшных историй, делает его в глазах других детей более значимым. При положительном воздействии это так называемый «феномен Шахерезады», когда сообщаемая информация интересна собеседнику (термин Я. Л. Коломинского).

Мотив слыть хорошим рассказчиком — отражение стремления ребенка к соперничеству, имеющего место в период старшего дошкольного возраста. Дети соперничают друг с другом за одобрение окружающих, хвастаясь своими умениями. Наши наблюдения показали, что одни дети стремятся захватить инициативу в рассказывании историй, предлагают правила ее слушания, настаивают на них, другие же, наоборот, используют страшные истории для того, чтобы напугать более слабого, эмоционально-возбудимого сверстника, манипулировать им.

Детей-«манипуляторов» подзадоривает возможность управления настроением такого ребенка. В качестве примера здесь можно привести отрывок из книги В. А. Каверина «Два капитана», когда Ромашка ночью смотрел по ночам на Вальку. «...Я терпеть не могу, когда на меня смотрят ночью. Теперь-то я понимаю, что это ерунда. Это началось с того, что я один раз проснулся — и вижу: он на меня смотрит... Ромашка говорил, что он никогда не спит. Разумеется, врал — просто у него были короткие веки. Но находились ребята, которые верили ему. Его уважали за то, что он “не спит”, и немного боялись...».

Очень часто мы наблюдали типичные ситуации у старших дошкольников, которые запугивали страшными рассказами своих сверстников. Игорь Л. настаивал на том, чтобы Петя И. охранял составленную мозаику: «Не будешь охранять, прилетит черная рука». Вита К., играя на прогулке в мяч, говорила Оле Н.: «Если не будешь со мной играть, то я тебя пугать буду...». Коля Т., выпрашивая конфету у сверстника, угрожал: «Не дашь конфету, я тебе такую историю расскажу, весь день бояться будешь».

Становится очевидным, что использование коммуникативных составляющих детской субкультуры как важного элемента психологической культуры в дошкольном возрасте имеет двойное значение. С одной стороны, мы наблюдали конструктивное поведение, развивающее компетенции в сфере эффективного общения, а с другой — неконструктивное, антигуманное, направленное на разрушение отношений и являющееся причиной снижения самооценки эмоционально-зависимых детей. Мы установили следующую закономерность: чем выше показатели коммуникативной компетентности ребенка в области детской субкультуры, тем успешнее навыки саморегуляции поведения в детском сообществе, а следовательно, и эмоциональное благополучие ребенка в группе.

Психологическая культура ребенка увеличивает число положительных форм взаимодействия с другими детьми. Четыре варианта одних и тех же ситуаций повлекли за собой самые разнообразные способы их решения. На вопрос «Что ты обычно делаешь, если тебя дразнят?», у неуверенных, нерешительных детей преобладали следующие высказывания: «пожалуюсь маме», «расскажу воспитателю — пусть их накажет», «придет мой брат — всех побьет», «принесу много конфет, буду есть и никому не дам», «дам сдачи». У других детей наблюдалась тенденция к бесконфликтному решению ситуаций. Наиболее распространенным способом их решения было обращение к детской традиции: «придумаю отговорку», «поставлю зеркальце», «нарисую стеночку» и т. д.

На вопрос о распределении ролей в игре, многие дети прибегали к помощи взрослых, в их поведении прослеживался отступающий характер: «пусть воспитательница распределит», у некоторых дошкольников наблюдалась прямая или косвенная агрессия: «всех побью, и буду играть один», «пожалуюсь воспитателю» или наблюдался уход из ситуации: «уйду и не буду играть», «заплачу», «не знаю, что буду делать». Однако большинство дошкольников распределяли роли с помощью считалки и объясняли, «что все так делают» и «так всегда надо делать». Иными словами, старшие дошкольники в трудных ситуациях, требующих эмоционального напряжения и быстроты действий, показывали различные уровни саморегуляции поведения.

Владение детской субкультурой можно рассматривать как один из факторов, который обеспечивает положение ребенка в группе сверстников. Популярные дети, при анализе конкретной конфликтной ситуации с позиции обиженного персонажа, в своем большинстве бесконфликтно решали поставленную задачу и характеризовались положительным отношением к сверстникам. Наиболее распространенным вариантом решения проблемы было использование коммуникативных составляющих детской субкультуры и гибкость принятия решения («придумаю отговорку или обзывалку», «распределю роли с помощью считалки», «возьму другую игрушку», «знаю мирилку» и т. д.). Однако преобладание положительно-подчинительных форм взаимодействия также не было исключением.

В отличие от этого среди непопулярных детей самым распространенным способом решения была прямая или косвенная агрессия, преобладание форм подчинительного поведения или защитная реакция («дам сдачи», «отниму игрушку», «изобью всех», «пожалуюсь маме» и т. д.). Это мешает их общению со сверстниками, вызывает недовольство у других детей и нежелание выбирать их для игр.

Дошкольники, которых мы условно отнесли к активно-отрицательному типу, очень часто использовали компоненты

детской субкультуры для того, чтобы обидеть или создать эмоциональное давление на ребенка, который плохо владел навыками саморегуляции поведения в значимых для детей ситуациях. Такое манипулятивное поведение мы характеризовали как стремление к доминированию над более слабым ребенком для того, чтобы разозлить, расстроить или напугать сверстника. Следовательно, такой тип поведения не принимался сверстниками и манипулятор оказывался среди не пользующихся популярностью детей.

Однако среди дошкольников с активно-отрицательной тенденцией были и популярные. Именно дети с повышенной эмоциональной тревожностью имели склонность выбирать «агрессоров». Основным мотивом выбора здесь служил страх перед агрессивным ребенком, с его тенденцией антигуманного поведения.

Психологический микроанализ типичных ситуаций общения детей, которые регулировались с помощью коммуникативных элементов детской субкультуры, позволил выделить особенности социальных и коммуникативных навыков старших дошкольников с различным статусным положением в группе сверстников.

В основе популярности дошкольников лежит уровень их психологической культуры, которая выражается в построении гуманных отношений с другими детьми, в способности оптимизации коммуникативной деятельности, где один из значимых факторов — коммуникативные составляющие детской субкультуры.

Психологическая культура ребенка делает его популярным и предпочитаемым среди сверстников. Неумение использовать коммуникативные составляющие детской субкультуры, враждебность и агрессивность в разрешении конфликтных ситуаций, а также использование коммуникативных составляющих детской субкультуры с антигуманной позиции делают ребенка отвергаемым и социально не приспособленным.

Анализ проведенного исследования позволяет сделать общий вывод о том, что дети разных статусных групп находятся на различных ступенях владения детской субкультурой.

Очень важно, чтобы воспитатель в дошкольном учреждении умел оптимизировать межличностные отношения дошкольников путем повышения уровня их психологической культуры (обучить детей коммуникативным составляющим детской субкультуры, которые по-разному детерминируют положение ребенка в группе сверстников и оказывают влияние на социальное развитие ребенка в целом). Популярность ребенка во многом обеспечивает его коммуникативная компетентность в области детской субкультуры. Особенно важно научить приемам саморегуляции тех дошкольников, которые испытывают определенные затруднения в сфере межличностных отношений со сверстниками. Это поможет оптимизировать положение ребенка в группе, а следовательно, и его эмоциональное благополучие в период пребывания в дошкольном учреждении.

Таким образом, детская субкультура — существенный компонент социального развития ребенка-дошкольника. Поэтому формирование психологической культуры является актуальной задачей на каждом возрастном этапе социализации личности, где важную роль играют психологические знания.

Список литературы

1. *Абраменкова В.В.* Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. М., 2000.
2. *Будева Л.П.* Социальная среда и формирование гармоничной личности. М., 1971.
3. *Коломинский Я.Л.* Человек: Психология. Минск, 1998.
4. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб., 1998.

Об авторе

О.В. Стрелкова — кандидат психологических наук, доцент БГАРФ.

УДК 159.9:316.6

Ю. А. Логашенко**РАЗВИТИЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
СЕНСИТИВНОСТИ
У СТУДЕНТОВ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**

Современные тенденции мирового развития усиливают интенсивность миграционных процессов, и работнику в сфере «человек-человек» неизбежно приходится взаимодействовать с представителями различных национальностей. В докладе ЮНЕСКО о глобальных стратегиях развития поставлена задача: «...научить людей *жить вместе*». Иными словами, становится все более актуальной необходимость вос-

питания поликультурной личности, готовой к сотрудничеству, способной вести диалог и эффективно осуществлять межкультурную коммуникацию в профессиональной сфере [4].

В основных положениях Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года также подчеркивается, что образовательная политика России учитывает общие тенденции мирового развития, обуславливающие необходимость существенных изменений в системе образования: переход к постиндустриальному, информационному обществу, значительное расширение масштабов межкультурного взаимодействия.

В связи с этим межкультурная компетентность приобретает особое значение для специальностей гуманитарного профиля, поскольку их выпускникам предстоит не только осуществлять межкультурную коммуникацию в профессиональной сфере, но и решать задачи по формированию и развитию межкультурной компетентности в своей будущей профессиональной деятельности. В частности, современное психолого-педагогическое образование призвано обеспечить готовность вы-

пускника педвуза к взаимодействию с другими людьми в процессе обмена культурными ценностями, знаниями, способами деятельности.

Надо сказать, что научный интерес к межкультурной компетенции присутствует в многочисленных зарубежных и отечественных исследованиях. В большинстве работ межкультурная компетенция рассматривается как необходимое условие для успешной интеграции в мировой социум, позволяющее эффективно участвовать в процессе межкультурной коммуникации и избежать негативных влияний глобализации. Однако толкование учеными межкультурной компетентности несколько различается. Так, по мнению Л. А. Новиковой, межкультурная компетентность будущего педагога — это основанная на знаниях, умениях и опыте межкультурного общения способность, позволяющая решать профессиональные задачи и осуществлять педагогическую деятельность, связанную с межкультурной коммуникацией, соответственно с уровнем своих ценностей и индивидуальных личностных характеристик (открытости, толерантности, эмпатии, гибкости мышления и общепланетарного его характера) [4].

П. И. Бурцев рассматривает межкультурную компетентность как совокупность знаний и навыков, позволяющих адекватно оценивать коммуникативную ситуацию с участием носителей другой культуры и достигать успеха во взаимодействии с ними [1].

По мнению М. Б. Витлиной, общее определение межкультурной компетентности можно сформулировать как «способность человека эффективно общаться с представителями других культур, то есть достигать своих целей при общении и при этом соответствовать ожиданиям своих партнеров». Большинство исследователей подчеркивается важность категорий «эффективность» и «адекватность» (уместность) при определении межкультурной компетентности [2]. Под эффективностью понимается достижение в общении поставленных целей, нужных результатов; под адекватностью — отсутствие нарушений значимых правил, действующих в данном культурном

контексте, и соответствие ожиданиям противоположной стороны. В структуре межкультурной компетентности выделяются четыре основных компонента: мотивационный, аффективный (эмоционально-личностный), когнитивный и поведенческий.

Э.Р. Хакимов предлагает взглянуть на межкультурную компетентность как на подвид профессионально-педагогической компетентности. Он определяет межкультурную компетентность как способность к решению профессиональных задач, связанных с этнической принадлежностью людей, и выделяет два вида компетентностей, составляющих два уровня: первый, базовый, — «этнопсихологическая компетентность», второй, производный, — «этнометодическая компетентность» [5].

Этнопсихологическая компетентность — это чувствительность субъекта деятельности к этнически обусловленным психологическим проблемам других субъектов и своих собственных. В педагогических профессиях — это чувствительность к особенностям учащихся, их родителей, других педагогов. В психологических — чувствительность к психическим процессам и состояниям клиентов. В любых профессиях сферы «человек-человек» этнопсихологическая компетентность — это чувствительность к этнообусловленным особенностям и проблемам людей, с которыми субъект деятельности вступает во взаимодействие либо с целью совместного преобразования определенных объектов, либо оказания на этих людей определенного влияния. Этнометодическая компетентность специалистов сферы «человек-человек» — это способность создавать условия для решения таких классов этнопсихологических проблем, как: межэтническая интолерантность, этнический нигилизм, состояние этнокультурного стресса (у некоторых мигрантов), этническая маргинальность.

Проводя структурно-функциональный анализ данного понятия, М. Ю. Чибисова выделяет ряд компонентов межкультурной компетентности педагога: когнитивный; личностный; поведенческий; эмоциональный и методический компоненты. Межкультурная сенситивность — предмет нашего интереса — включается М. Ю. Чибисовой в сферу личностных компетен-

ций наряду с межкультурной толерантностью и осознанием собственной этнической, религиозной, культурной идентичности [6]. Разработанная структура предполагает следующие основные направления работы по формированию межкультурной компетентности у педагогов:

1) *познавательное* (знакомство с основными понятиями поликультурного образования, предоставление информации о различных культурах, об особенностях взаимодействия с представителями этих культур);

2) *методическое* (знакомство с методами и технологиями поликультурного образования);

3) *личностное* (формирование межкультурной чувствительности и межкультурной толерантности).

Мы полагаем, что обозначенные направления работы можно экстраполировать на более широкий спектр специальностей социальной сферы, поскольку они органично вписываются в подготовку студентов в вузе. Внесем тем не менее некоторые уточнения. Если первые два направления в большей или меньшей степени включены в образовательный процесс, то личностные аспекты формирования межкультурной компетентности у студентов представлены в учебном плане весьма фрагментарно. Существующие формы работы обычно нацелены на формирование общепрофессиональной компетентности личности, общих социальных и специфически профессиональных умений и навыков.

Нашей целью было укрепление личностного компонента межкультурной компетентности, в связи с этим мы провели формирующий эксперимент, в котором воздействовали на межкультурную чувствительность студентов специальности «психология» в рамках дисциплины «социально-психологический практикум». Программа эксперимента включала в себя:

1) расширение представлений студентов об этничности через знакомство с такими понятиями, как *этнос, этническая идентичность, межкультурная компетентность, межкультурная толерантность, межкультурная чувствительность, этническая позиция личности*. Занятия проводились в форме круглого стола;

2) формирование у студентов осознанного отношения к собственной этнической позиции посредством социально-психологического тренинга;

3) формирование представления о межэтнических проблемах, в том числе связанных с будущей профессиональной деятельностью, в форме лекции — пресс-конференции и тренинга межкультурной толерантности;

4) подготовку, проведение и представление студентами социально-психологических исследований, связанных с различными этнопсихологическими аспектами жизнедеятельности.

В процессе проведения «социально-психологического практикума» студентам 3-го курса специальности «психология», специализирующимся по социальной психологии, предлагались к обсуждению различные социально-психологические явления, представленные через призму этнического. К примеру, на практических занятиях по теме «Социальная установка. Предубеждение. Дискриминация» ставились вопросы о предубеждениях, связанных с этнической принадлежностью, ущемлении прав людей в связи с их национальностью или расой.

Структура эксперимента включала три измерения межкультурной сенситивности студентов: в начале, середине и конце семестра. Диагностика проводилась по методике исследования межкультурной сенситивности [7]. В контрольную группу включены студенты 4-го курса специальности «психология».

Планируя данный эксперимент, мы предполагали, что: 1) уровень межкультурной сенситивности участников экспериментальной и контрольной группы на первом этапе исследования будет невысокий (что подтвердилось) и 2) предложенная программа развития межкультурной сенситивности приведет к повышению показателей в экспериментальной группе и оставит их на прежнем уровне в контрольной группе (что пока не подтвердилось).

Анализ данных первого и второго среза показал, что существенных изменений в выраженности межкультурной сенситивности у студентов экспериментальной группы не произошло.

ло (t -критерий Стьюдента для зависимых выборок по параметру «принятие» составил 0,66, что меньше t крит. для df экспериментальной выборки). Сравнение вторых замеров в экспериментальной и контрольной группах с помощью t -критерия Стьюдента также не выявило достоверной разницы в сдвигах по параметру «принятие», хотя показатели несколько выросли ($t_{\text{мп}} = 1,25$ при $t_{\text{крит}} = 1,31$).

Почему же не повысился уровень межкультурной чувствительности у студентов? На наш взгляд, это могло произойти по нескольким причинам.

В первую очередь, следует помнить о динамике и механизмах развития межкультурной чувствительности в социокультурной среде. По всей видимости, для ощутимого изменения уровня межкультурной чувствительности требуется больше времени. Кроме того, необходимо задействовать и другие факторы, поскольку искусственное воздействие в лабораторных условиях оказалось малоэффективным без системного воздействия более широкой культурной среды.

Нельзя исключить тот факт, что психодиагностический инструментарий, использованный в исследовании, может иметь погрешности, приводящие к огрубленным результатам, из-за чего невозможно составить полное представление о состоянии исследуемого признака.

Особенности выборки сделали тему для студентов неактуальной. Как экспериментальная, так и контрольная группы представляли собой гомогенные по национальному признаку группы — все студенты представляли славянскую группу (в основном русские, несколько человек — украинцы и белорусы). Работа со студентами показала, что пока проблемы межкультурного взаимодействия не коснулись их непосредственно, опыт межнационального общения у них небольшой, и о таких проблемах они знают «понаслышке» или из средств массовой информации. Не исключено, что на выборке с другими характеристиками предложенная программа будет более успешна.

Причиной низких результатов может быть недостаточная проработанность программы по развитию межкультурной сен-

сitivity. Возможно, следует более детально проанализировать ее этапы и содержание, а также потенциал методов, использованных для достижения поставленной цели, шире применять интерактивные методы обучения (круглый стол, тренинг, пресс-конференция, исследовательский проект).

Тем не менее полученные результаты задают нам направления дальнейших исследований межкультурной сensitivity с поиском наиболее значимых для ее развития факторов.

Список литературы

1. *Бурцев П. И.* Межкультурная компетентность в преодолении межкультурных конфликтов при обучении иностранным языкам. URL: <http://smus.ysn.ru/text/5/burcev.doc>
2. *Витлина М. Б.* Социально-психологические аспекты межкультурной компетентности // Материалы докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / отв. ред. И. А. Алешковский [и др.]. М., 2008.
3. *Климов Е. А.* Психология профессионала. М., 1996.
4. *Новикова Л. А.* Развитие межкультурной компетентности студентов педагогического университета на основе использования телекоммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2007.
5. *Хакимов Э. Р.* Этническая позиция личности и ее влияние на профессиональную деятельность педагога: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2000.
6. *Чибисова М. Ю.* Содержательная характеристика межкультурной компетентности педагога // Материалы конференции «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии». Смоленск, 2008.
7. *Chibisova M., Khukhlaev O.* Measuring teachers' intercultural competence: Towards a theory-based instrument // Book of Abstracts of the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Germany, 2008. P. 237—238.

Об авторе

Ю. А. Логашенко — старший преподаватель кафедры общей психологии РГУ им. И. Канта.

УДК 159.9:316.6

А. В. Цехмистер

**РАЗВИТИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ
В ПРОЦЕССЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ПРАКТИКИ В УВД
ПО КАЛИНИНГРАДСКОЙ
ОБЛАСТИ**

Органы внутренних дел — одна из наиболее многофункциональных составляющих системы правоохранительных органов страны. Сотрудники милиции в глазах общества олицетворяют собой государственную власть. Поэтому качественный отбор граждан на службу в органы внутренних дел, их психологическое сопровождение в период службы — одно из приоритетных направлений работы с кадрами в системе МВД России.

Качество данной работы обеспечивается, среди прочего, и профессиональным психологическим изучением личности при трудоустройстве, и психологическим сопровождением при исполнении сотрудником органов внутренних дел оперативно-служебных задач. Ее проводят штатные психологи милиции, которые служат в подразделениях по работе с личным составом. Сами штатные психологи ОВД также являются сотрудниками милиции, имеют офицерские звания, а значит, требования к ним при приеме на службу предъявляются такие же, как и к кандидатам, идущим служить на другие должности номенклатуры МВД.

Специалистов с юридическим образованием и специалистов в сфере правоохранительной деятельности на территории нашей области готовит несколько вузов, в том числе ведомственный — Калининградский юридический институт МВД России. Набор же самих психологов в УВД по Калининградской области до недавнего времени представлял некоторую трудность, так как КЛЮИ МВД России специалистов необхо-

димой квалификации не готовит. Поэтому для предварительного изучения возможных кандидатов на службу в качестве штатных психологов и для повышения уровня профессиональной компетентности студентов-психологов в 2003 году между УВД по Калининградской области и Российским государственным университетом им. И. Канта был заключен договор об организации и прохождении психологической практики студентов факультета психологии и социальной работы университета на базе УВД.

Со стороны УВД договор предусматривает:

1) организацию и проведение психологической практики студентов с 1-го по 5-й курс факультета психологии и социальной работы РГУ им. И. Канта;

2) создание необходимых условий для проведения психологической практики: предоставление студентам возможности работать в качестве стажеров и помощников штатных психологов органов внутренних дел; материально-технической базы; оказание помощи студентам в выборе тем для курсовых и выпускных квалификационных работ и содействие проведению научных исследований;

Для более полного ознакомления с особенностями службы, привлечения к практической деятельности, студенты, проходящие практику, закрепляются в качестве помощников штатных психологов в органах внутренних дел и строевых подразделениях по всей территории области. Практика организуется в соответствии с программой университета. На первоначальном этапе прохождения практики (после 1-го, 2-го курсов) в их основные обязанности входит изучение структуры психологической службы УВД, ознакомление с порядком оформления документов, изучение методик, применяемых в системе МВД России при проведении психодиагностических исследований личности и служебных коллективов. При прохождении практики на старших курсах студенты привлекаются к непосредственному выполнению практической работы: осуществляют психодиагностические мероприятия с сотрудниками и стажерами органов внутренних дел, проводят консультации, занятия

с сотрудниками, направленные на повышение их психологических знаний.

Под контролем руководителя практики студенты могут оформлять соответствующие заключения о пригодности к службе в органах внутренних дел кандидатов на службу (сотрудников при перемещении), готовят проекты справок по итогам социально-психологических исследований служебных коллективов, рекомендации по результатам психологического консультирования и планы-конспекты занятий по морально-психологической подготовке. В период прохождения практики студенты заполняют ее дневник, а по ее результатам — отчет о проведенной работе. По окончании практики студенты сдают дифференцированный зачет, на котором проверяются знания теоретических основ организации психологической службы в системе МВД России, а также защищаются результаты проведенных практических мероприятий.

Изучение содержания обучения в сопоставлении с запросами практики показывает значительные резервы для совершенствования данного процесса. В настоящее время основой подготовки психологов является государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования (специальность 020400 — психолог, преподаватель психологии). Программа обучения в вузе соответствует данному стандарту. Но практика показывает, что выпускникам не хватает профессиональных умений прикладного характера, которые определяют успешность практической деятельности психолога, его способность применять психологические знания к выполнению своих обязанностей: конкретные действия, приемы, психологические «техники», знание особенностей контингента, с которым предстоит работать начинающему психологу, а также конкретных условий служебной деятельности и соподчинения, которые обязательны для исполнения в структурах МВД. Выпускники факультета оказываются недостаточно готовыми к адаптации в служебном коллективе, выполнению простейшей рутинной работы, которая не всегда соответствует уровню их квалификации. Важность постепенного вхождения

в практику, необходимость накопления опыта, профессиональных навыков — важная задача формирования профессионального самосознания будущего специалиста в период обучения.

Индивидуальные беседы с начинающими психологами, а также ведение дневника практики показали, что наиболее часто будущие специалисты отмечают недостаточность профессиональных умений в прикладных областях. Именно они определяют успешность практической деятельности психолога, его способность применять психологические знания в процессе выполнения своих обязанностей: конкретные действия, приемы, психологические «техники».

Другое направление совершенствования профессиональной подготовки психологов в процессе производственной практики — обогащение традиционного содержания современными методами психологической поддержки и коррекции эмоционального состояния человека. Здесь обсуждаются методы позитивных настроев, формирования коппинг-поведения, мысленного формирования событий, взаимодействия «деятельности, переживания и молитвы в ситуации возможного, невозможного и возможности невозможного» Особое внимание уделяется методам психологической защиты и саморегуляции самого психолога, направленные против профессиональных деформаций, психологического выгорания и усталости.

Наиболее часто в индивидуальных беседах выявлялись следующие трудности: не хватает практического умения диагностировать профессиональную работоспособность сотрудников; выявить психологические факторы, влияющие на результативность и надежность деятельности; не хватает умения провести мероприятия по профилактике психологического перенапряжения, переутомления и других неблагоприятных психических состояний; возникают сложности при осуществлении коррекционной работы с сотрудниками, имеющими признаки психологической дезадаптации; недостаточно умений для психологического консультирования сотрудников и членов их семей, оказания помощи в разрешении личных и семейных психологических проблем, в кризисных и конф-

ликтных ситуациях; не хватает умения провести в подразделениях социально-психологические тренинги. То есть затруднения у будущих психологов прослеживается по прикладным направлениям, за исключением проведения мероприятий по психологическому отбору, где требуется применение утвержденных методик и обработка полученных данных.

Существующая система организации практики позволяет, с одной стороны, повысить профессиональную компетентность обучающихся специалистов, а с другой — сотрудникам кадровой службы УВД изучить личностные особенности и профессиональные качества студентов с целью проведения выбора среди них тех, кто может быть принят на службу в органы внутренних дел в качестве штатных психологов. За период действия договора в психологической службе УВД прошли производственную практику свыше 150 студентов очной и свыше 200 студентов заочной формы обучения. Многие из них проявили себя не только как компетентные специалисты в профессии, но и личности, обладающие необходимыми «качествами полицейского»: развитым уровнем правосознания, прилежанием, разумной инициативностью, устойчивыми моральными и нравственными ценностями, достаточным уровнем интеллекта. Из них в психологической службе УВД был сформирован резерв специалистов, который используется при возникновении необходимости замещения открытых вакансий психологов. В настоящее время в органах и подразделениях УВД в качестве штатных психологов проходят службу 13 выпускников-психологов РГУ им. И. Канта, или 32% об общей численности сотрудников психологической службы УВД.

Перспективы дальнейшего повышения компетентности будущих психологов видятся в подготовке студентами выпускных курсов научных разработок и выборе тем выпускных квалификационных работ. На пятом году обучения гораздо выше уровень профессиональной подготовленности студентов к решению проблемных ситуаций, возникающих у начинающих психологов в подразделениях ОВД; заинтересованность в трудоустройстве в органы внутренних дел; уровень самостоя-

тельности и ответственности при прохождении научно-исследовательской практики и стажировок в подразделениях ОВД.

В целом отчеты и конференции по результатам производственной практики показывают достаточно высокий уровень подготовленности студентов факультета психологии, подтверждаемый результатами государственной аттестации по множеству объективных и субъективных показателей.

Тем не менее еще много задач, которые следует разрешать совместно университету и УВД не только для более динамичного сотрудничества, но и в целях повышения профессиональной компетентности студентов, а также улучшения качества психологического обеспечения личного состава УВД по Калининградской области. Поэтому взаимодействие УВД и РГУ им. И. Канта по вопросам организации психологической практики студентов факультета психологии и социальной работы имеет большие дальнейшие перспективы развития. Безусловно, не все студенты, прошедшие практику в УВД, будут служить в органах внутренних дел, но их знакомство с особенностями милицейской службы, несомненно, повысит их уровень профессиональной компетентности.

Об авторе

А. В. Цехмистер — заместитель начальника отдела воспитательной работы управления по работе с личным составом УВД по Калининградской области, подполковник милиции, ассистент кафедры общей психологии РГУ им. И. Канта.

Научное издание

**ИССЛЕДОВАНИЯ
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

Вестник Института Балтийского региона
РГУ им. И. Канта

2009

№ 4

Редактор *Н. Н. Мартынюк*. Корректор *Н. Н. Генина*
Оригинал-макет подготовлен *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 29.12.2009 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,2.
Тираж 300 экз. Заказ 184

Издательство Российского государственного университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14